

Якоб фон ШТЕЛИН

Подлинные анекдоты из жизни Петра Великого слышанные от знатных особ в Москве и Санкт-Петербурге

<Фрагменты>

Предисловие автора

В сем кратком предуведомлении объявляю я о происхождении собрания следующих анекдотов и главном моем предмете при издании оных в свет, также и о том легком и едином средстве, способствующем ко умножению сего собрания еще многими подлинными и достопамятными анекдотами Петра Великого.

Что до первого пункта касается, каким образом произошло сие собрание, надлежит мне объявить, что я 1735 году из Дрездена был выписан в Санктпетербургскую Академию наук. Я имел с собою одобрительное письмо польского и курсаксонского первого министра графа Бриля к тогдашнему в Санктпетербурге пребывающему саксонскому чрезвычайному послу, графу фон Линару. Сей достойный министр с такою радостью принял письмо великого своего благодетеля, а меня столь дружелюбно, что удостоил меня своим столом и ежедневным обращением, познакомил меня также со многими как иностранными, так и знатными российскими вельможами. Между оными находилось еще много таковых, которые до сего не только в военной, гражданской и морской службе были при умершем тогда за десять лет Петре Великом, но имели короткое обращение с высокою его особою. Потом, когда я был употребляем к деланию иносказательных изображений для тогдашних, часто при дворе бываемых огненных потех и великих освещений, то возымел я короткое знакомство с тогдашним генерал фельдцейхмейстером, принцем Гессен-Гомбургским, и с почтенным его тестем фельдмаршалом князем Иваном Юрьевичем Трубецким, у которого часто при столе как им самим, так и прочими генералами были говорены анекдоты о Петре Великом. Как я некогда изъявил сему почтенному князю мое удивление и особенное удовольствие о сих известиях и сожалел, что свет их вместе с достойными мужами лишиться должен, не взирая, что они к славе Петра Великого на-

писаны быть долженствовали, то сказал мне на сие верный сей служитель и почитатель сего монарха, если я желаю записывать такие сказания, то может он мне еще много рассказать о сем великом герое, что малым известно; только надлежит мне временно о том ему напоминать, а паче после обеда, когда он обыкновенно курит табак.

От сего князя слышал я иногда некоторые анекдоты о Петре Великом, которые весьма меня пленили и из числа коих я ни одного и ни в какой истории, писанной на других языках, о сем российском монархе не нашел.

Чтоб не загладить в слабой моей памяти сих, столь достопамятных и истинных анекдотов, внемлемых из уст столь знатных свидетелей, вознамерился я оные мало-помалу, имея в свежей еще памяти, вносить вкратце на бумагу. Я обыкновенно это исполнял в ночное время по возвращении домой или на следующее утро.

Сколько случаев имел я впоследствии слышать достопамятных анекдотов о сем монархе, имея двадцатилетнее обращение с бывшим государственным канцлером, графом Бестужевым, и со многими другими знатными домами в Петербурге и Москве, из уст прежних воинских и гражданских служителей Петра Великого, а паче, когда я был первые три года его императорского высочества, великого князя Петра Феодоровича, профессором, а по его сочетании, по именному указу, сделан библиотекарем.

Сколь мало ни оставалось мне времени при моей должности и столь многих придворных помехах, также и иных возлагаемых дел, на запись услышанных анекдотов, однако они со временем весьма сделались многочисленны; из числа коих я наконец находящиеся в сей книге переписал на бело.

Между тем большая часть, да почти и все из показанных под каждым анекдотом свидетелей мало по малу окончили дни свои и, без сомнения, бы взяли с собою во гроб сии известия о Петре Великом, если бы любопытство мое их не замечало, не исхитило из забвения и не сохранило потомству.

Я приступаю ко второму пункту, то есть: к показанию цели сего издания.

Я должен упомянуть, что в означенных тщательно под собранными мною анекдотами свидетелей, из уст коих я оные слышал, не все еще находятся и, может быть, здесь едва сотая часть тех означено, кои с Петром Великим имели короткое обращение. Я только тех здесь привожу, которых я знал в Петербурге и Москве и от коих сие слышал. Из числа таковых осталось еще едва несколько в жизни; но многое число их детей, внуков и приятелей еще в иных местах государства находится, которые от своих,

такowymi же бывших очевидцами, отцов, дедов, родственников и приятелей слышали некоторые достопамятные анекдоты о сем великом императоре.

В рассуждении сего обстоятельства, ласкался я надеждою еще многие достопамятные анекдоты о Петре Великом спасти от забвения, или я, по частым увещаниям знатных и истинных сынов России и почитателей бессмертных достоинств сего великого монарха, обнаружую наконец тиснением сие мое малое собрание и доставлю в руки тем, которые имеют еще в памяти слышанные от отцов своих, родственников и приятелей некоторые анекдоты.

К начертанию оных и спасению от совершенного забвения хочу я их сим моим изданием побудить.

Чрез сие, как я надеюсь и сколько могу положиться на благородный вкус изощренного в наши времена российского дворянства, может быть, выйдет не меньшее число достопамятных анекдотов Петра Великого, к собранию и изданию коих скоро многие из российских любителей и почитателей наук найдутся. То чаятельно, сыщется и обильное продолжение таковых анекдотов, или вторая, а может быть, третья книга оных, к славе сего знаменита го государя, к чести народа и к удовлетворению всеобщего желания обстоятельнейших известий о Петре Великом.

И так паче всего к сему издаю я собранные мои анекдоты. Ежели ж мне удастся достичь желаемого предмета, то за сей труд припишется честь и благодарность потомкам, моим последователям. Я уже тем буду доволен, что их к тому побудил и дал повод к собранию столь драгоценных анекдотов и спасению их от скоропостижного их забвения.

Яков фон Штелин

**Свидетельство
российского императорского первого министра
о сих анекдотах**

Его сиятельство, достойный министр её императорского величества, великой монархини Екатерины II, граф Никита Иванович Панин, услышав о сем собрании анекдотов, пожелал их видеть. За 5 или за 6 недель до своей кончины, Его Сиятельство просил меня, чтобы я сообщил ему сии анекдоты на несколько дней для прочтения.

Зная, что его сиятельство любил читать немецкие книги более, нежели французские, и по вечерам обыкновенно часа два, иногда же и более, занимался чтением, и для того имел отборную библиотеку, состоящую из лучших немецких писателей, и которая

всякий год умножаема была новейшими немецкими сочинениями, — я вручил ему немецкий оригинальной экземпляр. Потом видал я оный у него на столике, с закладками в тех местах, до которых было прочитано. Несколько раз, когда я ввечеру приезжал к его сиятельству, сказывал он мне, что сии Анекдоты приносят ему великое удовольствие, так что он не может довольно их начитаться и некоторые из них читал уже по два и по три раза. Через четыре уже недели, дней за 8 или за 10 до нечаянной своей кончины, его сиятельство возвратил мне мою книгу с учтивою благодарностью и сказал при этом: «Могу вас уверить, что я не читывал еще никакой книги с большим удовольствием, как эту, особенно потому, что я нашел в ней несколько анекдотов, которые еще в молодых моих летах, слышал я от покойного моего родителя. Почти сими же словами отзывался его сиятельство о сих анекдотах при г. канцелярии советнике Лизакевиче и некоторых других посещавших его особах, как то мне Г. Лизакевич рассказывал.

За несколько еще лет пред тем, прославившийся изданием российской истории г. камергер тайной советник и сенатор, князь Михайло Михайлович Щербатов, брал у меня для прочтения французский перевод сих анекдотов, и возвратив мне их через две недели, советовал и требовал, чтобы я их напечатал. Его сиятельство в письме своем ко мне, писанном из Москвы от 1 июня 1780 года, упоминает о том следующими словами: «Autant que je me souviens de cet ouvrage, il y a plusieurs Anecdotes très piquantes, qui démontrent le vrai caractère de ce grand homme, tout porté pour le bien' de ses sujets, que tous ces Anecdotes sont constatés par les témoignages des témoins oculaires, de qui vous les tenez: et cela me semble suffisant pour ne pas négliger l'impression de ce livre, dont le curieux d'histoire vous seront obligés, et dont les Souverains mêmes pourront puiser des precepter pour leur conduite»*.

* Насколько я помню, в этой книге есть несколько Анекдотов, очень впечатляющих, которые демонстрируют истинный характер этого великого человека, все сходятся в том, что все эти Анекдоты подлинные, по свидетельствам очевидцев, которые еще живы: и мне кажется, что они самодостаточны, чтобы рекомендовать к печати эту книгу, любопытные истории, которой будут поучительны для читателей, правители же смогут почерпнуть рецепты для своего правления.

Часть первая

1

**Особенные обстоятельства
второго бракосочетания Царя Алексея Михайловича
с Натальей Кирилловной Нарышкиной**

При царе Алексее Михайловиче был Канцлером иностранных дел боярин Артамон Сергеевич Матвеев, дед первой статс-дамы (а с 1775 году Обер-Гофмейстерины её Императорского Величества Екатерины II) Марьи Андреевны Румянцевой, матери фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева-Задунайского. Его Величество удостоивал сего Министра отменной доверенности. По кончине первой своей супруги, бывшей Княжны Милославской, против древнего обыкновения прежних царей которые частных людей я не посещали, приходил он часто к Матвееву, иногда и ужинал у него. Однажды придя туда нечаянно вечером и найдя стол накрытым, сказал он Матвееву:

— Стол так хорошо и порядочно приготовлен, что всякому захочется сесть за него, и отужинать. Добро, я останусь у тебя ужинать, только с тем уговором чтобы никто для меня не тревожился, и чтобы за столом были все, кто в другое время обыкновенно с тобою садится.

— Как Вашему Величеству угодно и как прикажете, я всё приму за честь и милость моему дому, — отвечал Матвеев.

Между тем всё было готово, кушанье поставлено, и царь сел за стол. Тогда вошла хозяйка дома со своим сыном и одной девицей. Они поклонились низко царю и по его приказанию должны были сесть вместе с ним за стол. В продолжение ужина. Царь часто смотрел на сидящих за столом, особенно на девицу, которая сидела прямо напротив него. Ему казалось, что он прежде не видал ее в доме Матвеева между другими детьми, и для того его величество сказал Матвееву: Я всегда думали, что у тебя один только сын, а теперь еще в первый раз вижу, что у тебя и дочь есть; как это случилось, что я прежде ее не приметил?

— Ваше Величество думали справедливо, — отвечал Матвеев: у меня один только сын; а девица, которую вы теперь видите, дочь друга моего и родственника Кирилы Нарышкина, Дворянина живущего в своих, деревнях. Жена моя взяла её к себе в дом, чтобы воспитать в городе, и если Богу будет угодно, при случае и замуж выдать.

Царь ничего более на это не сказал, как только:

— Ты сделал дело доброе и Богу угодное.

Но после ужина, когда фамилия Матвеева встала из-за стола и вышла из столовой комнаты, а царь остался еще там с одним хозяином, его величество начал говорить о Наталье Кирилловне и сказал:

— Девушка очень хороша; кажется, имеет доброе сердце, и в таких уже летах, что пора ей замуж выйти: надобно тебе постараться сыскать ей хорошего жениха.

— Ваше величество справедливо о ней судить изволите, — отвечал Матвеев: — она умна, очень скромна и имеет самое доброе сердце. Жена моя и все мои домашние любят её, как родную нашу дочь. Но что касается до жениха, то не скоро такой сыщется. Она имеет все добрые качества, но богатства у нее мало или совсем нет; а я хотя и принял на себя право выдать её замуж, однако по малому моему имуществу большого приданного дать ей не смогу.

Царь сказал на это:

— Ей надобно такого жениха, который бы сам настолько был богат, чтобы не имел нужды спрашивать о её богатстве; но почитал бы за богатство добрые её качества и сделал бы её счастливою.

— Того-то бы я и желал, — отвечал Матвеев, но где найти таких женихов, которые смотрители бы больше на достоинства невест, нежели на богатое приданое?

— Бывают иногда и такие, — сказал царь, — подумай только ты об этом. Я и сам постараюсь сыскать такого человека. Девушка заслуживает, чтобы сделать ей счастье.

Матвеев благодарил его величество за столь милостивое намерение и тем разговор окончился. Царь пожелал ему доброй ночи и ушел. Через несколько дней после того Его величество пришел в другой раз к Матвееву, разговаривал с ним часа два, о государственных делах и намерен уже будучи идти от него, опять сел и сказал Матвееву:

— Скажи, не забыл ли ты после тогдашнего нашего разговора постараться о достойном женихе для Натальи Кирилловны?

— Нет, всемилостивейший государь, — отвечал Матвеев; это никогда у меня из ума не выходит, только бы случай нашелся так скоро, как я желаю. Я не сыскал еще достойного для нее жениха; да и сомневаюсь, чтобы это скоро могло случиться. Многие из наших молодых дворян бывают у меня и часто видят пригожую мою питомицу, однако же никто не показывает и вида на ней жениться.

— Изрядно, — сказал царь, — может быть в этом и нужды не будет. Я сам обещал тебе постараться поискать для неё хорошего жениха. Мне удалось найти такого, которым она надеюсь будет довольна, и будет с ним счастлива. Я его знаю; он человек весьма честный, имеешь достоинства и так богат, что о её име-

нии и приданом спрашивать не станет. Он её любит, хочет взять за себя и сделать счастливою. И она его знает, хотя он и не давал еще приметить, что хочет на ней жениться. Я надеюсь, что она не откажется за него выйти, когда он посватается.

— Я уже доносил недавно Вашему Величеству, что я весьма бы рад тому был; я избавился бы от заботы, которая всегда у меня на сердце лежит. Но смею ли спросить ваше величество об имени этого человека? Может быть, и я его знаю и могу сказать Вашему Величеству что-нибудь о его обстоятельствах?

Царь отвечал на это:

— Я уже сказал тебе, что я его знаю, что он человек честный, и добрый, и в состоянии сделать жену свою счастливою; ты можешь мне в этом смело поверить; а больше сказать тебе о нем не могу, пока мы не узнаем от Натальи Кирилловны будет ли она согласна за него выйти.

— В этом нет сомнения, — сказал Матвеев, — когда она услышит, что Ваше Величество предложили ей этого жениха. Однако же она захочет узнать, кто он таков, прежде нежели согласится за него выйти, что мне кажется и весьма справедливо.

— Ну так знай же, — сказал Царь; — что я сам тот человек, которой намерен на ней жениться.

Матвеев, изумленный столь не ожидаемым объяснением от Царя; упал к ногам его и говорил:

— Прошу ваше величество Бога ради, оставить это намерение; или по крайней мере не через меня сделать ей предложение. Вы сами знаете, всемилостивейший государь, что я между вельможами двора вашего и между знатнейшими фамилиями многих имею неприятелей, которые и без того уже завидуют отменной милости и доверенности, каких ваше величество меня удостоиваете. Что ж бы тогда было, когда бы они увидели, что ваше величество обойдя все другие знатнейшие фамилии, женились на бедной девушке из моего дома. Без сомнения зависть их и ненависть ко мне распространилась бы тогда по всему государству, и всякий бы стал думать, что я милость вашего величества употребляю во зло, и что я склонил вас взять за себя мою родственницу и питомицу для того, чтобы превзойти всех их в вашей милости и ввести мою фамилию в сродство с царским домом.

— Все это ничего не значить, — отвечал Царь; — Я постараюсь, чтобы тебе нечего было опасаться. Между тем я в намерении своем решился и не перемену его.

— И пусть так будет по воле вашего величества, — сказал Матвеев: — Бог да благословит ваше намерение. Когда уже этому непременно так быть должно, то я прошу одной милости для себя

и для Натальи Кирилловны: чтобы ваше величество поступили в этом деле по здешнему обычаю; и по крайней мере для виду созвали бы ко двору своему несколько девиц из знатнейших фамилий, а между ними и Наталью Кириловну, и выбрали бы из них публично себе невесту. Между тем, кроме вашего величества и меня, никто, даже и сама Наталья Кириловна, не будет знать о вашем намерении.

Царь признал это предложение справедливым и обещал Матвееву исполнить это и между тем никому более того не открывать. Через несколько недель объявил он своё намерение сочетаться вторым браком знатнейшему духовенству и министрам в Тайном Совете, и повелел сделать приготовления к тому, чтобы все девицы из знатнейших фамилий в назначенный день собрались к его величеству для выбора из них невесты.

Это произошло в сентябре 1670 года в Кремле, где собрались 60 благородных девиц, из коих одна была прекраснее другой. В числе их была и Наталья Кирилловна Нарышкина. Девушки были великолепно угощены. Царь обходился с ними весьма милостиво и выбрал последнюю себе в невесты*.

2

Петр Великий при смертной своей болезни не хочет простить смертоубийц

Царь Петр I, на 25 году от рождения своего, был опасно болен горячкою; когда уже не оставалось надежды к его выздоровлению и всем двором печаль овладела, в церквах же денно и ночью приносимы были за царя молитвы, то по древнему обыкновению явился судья преступников, чтоб спросить, не дать ли свободу девятерым разбойникам и убийцам, приговоренным к смерти, дабы они молили Бога о здравии царском. Как скоро Петр I сие услышал, то приказал судью позвать пред себя и повелел ему прочесть лист сих, к смерти приговоренных, и их преступления. Потом сказал его величество прерывающимся голосом к уголовному судье: «Разве ты думаешь, что я прощением сих недостойных злодеев и нарушением правосудия сделаю доброе дело и побужду небо к продлению моей жизни? Или что Бог примет молитву сих богоотступных мошенников и убийц? Пойди сей час и вели затрещного утра исполнить приговор над девятью преступниками.

* Графини Марии Андреевны Румянцевой, внуки упоминаемого здесь боярина Артамона Матвеева.

Я паче надеюсь, что Бог таковым моим правосудием побужден будучи к милосердию, продлит жизнь мою и дарует мне здравие».

Приговор был на другой день исполнен, царю стало ежедневно становиться легче, и спустя малое время он совершенно выздоровел*.

3

Петра Великого своеручная ковка нескольких полос железа

Петр I, строитель всякого добра в России, которой посещал все заводы и мастерские места и поощрял работников, приезжал также на Миллеров железный завод при реке Истии, что по Калужской дороге в 90 верстах от Москвы. Там пробыл он однажды четыре недели и пил тамошнюю целительную воду, и кроме ежедневных своих государственных дел определил себе время не только чтоб все тщательно исследовать и всему научиться, но и самому при варке и ковке железа трудиться, чтоб научиться ковать полосы. Когда же он то понял и в последний день своего там пребывания своеручно 18 пуд железа сковал и каждую полосу клеймом своим означил; причем бывшие с ним придворные юнкеры и бояры должныствовали носить уголья, пригревать оные к горну, дуть в мехи и другие отправлять с его величеством работы. Прибыл он чрез несколько дней в Москву и к хозяину того завода Вернеру Миллеру, хвалил его распоряжения на заводе и спросил его, что там получает мастер выковать пуд полосного железа? «Алтын», — отвечивал Миллер. «Хорошо, — продолжал царь, — потому и я заслужил 18 алтын и право имею от тебя их требовать». Вернер Миллер пошел тотчас к своему денежному ларцу и принес 18 червонцев, отсчитал их царю и сказал: «Такому работнику, как ваше величество, не можно меньше заплатить». Царь же, отсунув их назад, сказал: «Возьми свои червонцы, я не лучше прочих мастеров работал, заплати мне то, что ты обыкновенно платишь другим мастерам; я на то куплю себе пару новых башмаков, которые мне теперь же и нужны». А как его величество уже однажды к башмакам своим приказал подшить подметки, которые и стоптались, то взяв 18 алтын, поехал в ряды и в самом деле купил себе на оные пару башмаков, которые он часто имея на ногах, в собраниях показывал и говаривал: «Я их мозолями заслужил».

Примеч. Из числа сих, его величеством своеручно скованных железных полос, находится еще одна полоса с царским клеймом

* Известно сие от Петра Миллера, железного заводчика, которой был в тот самый день при царском дворе в Москве.

на Миллеровом железном заводе при означенной реке Истие, да еще другая, которую сей монарх в Олонце при Ладожском озере сковал, сохраняется в Кунсткамере Санктпетербургской Академии наук*.

4

**Петр Великий оказывает отменное почтение
к искусным лекарям и подает повод
к посрамлению высокомерных шарлатанов**

Всем известно, что Петр Великий совершенно знал о необходимости хороших лекарей при новозаводимом своем войске и флоте, весьма их уважал и даже сам выучился делать некоторые хирургические операции. Он обыкновенно носил с собою две готовальни; одну с математическими инструментами, для вымеривания разных предлагаемых ему планов, а другую с хирургическими инструментами. Он сам вырывал у многих больные зубы, а жену купца Борша лечил операцией от водяной болезни.

Еще на двадцатому году своего возраста имел он короткое обхождение не только с Господином Лефортом, первым своим тогдашним любимцем, но также и с Господином Тирмондом, старым, веселым и искусным хирургом, которой всегда бывал при его величестве и часто просиживал с ним за полночь. Он был в такой милости у государя, что некогда пьяный заколов старого верного своего слугу, на другой день поутру в великой горести прибежал к государю, пал пред ним на землю и просил прощения. Его величество не хотел его слушать, пока он не встанет; но как он всё ещё лежал, то Государь сам его поднял, обнял и поцеловал, и выслушал его донос. Потом его величество отвечал ему, чтобы он не заботился и не печалился, просил бы прощения только у Бога, и если остались после убитого жена или дети, то постарался бы доставить им пристойное содержание. Тирмонд исполнил это приказание, и давал вдове убитого по смерти её из своего имения ежегодно немалую пенсию.

Сей славный Тирмонд, проживший более 70 лет, оставил после себя еще довольно молодую и пригожую вдову с богатым именем. Она еще при жизни мужа своего, имея немалую склонность к любовным делам, влюбилась в одного молодого и пригожего подлекаря из Данцига, который в волокитстве был гораздо искуснее, нежели в хирургии. Вскоре потом вышла она за него и начала вести с ним жизнь весьма роскошную, ездила четвернею в велико-

* Известно сие от него Петра Миллера Вернерова сына.

лепном экипаже и щегольством своим во всей Москве обращала на себя внимание. Государю при случае донесено было о сем с презрительным описанием её мужа. Его величество некогда будучи в гостях у одного боярина с тем, кого он, удостаивал дружеским обхождением, послал за молодым наследником любимого своего Тирмонда. Он подумал, что Государь хочет принять его на место своего любимца, приехал в великолепном наряде и в самом лучшем своем экипаже. Все подбежали к окошкам смотреть, как он въезжал на двор. Как скоро щеголеватый подлекарь предстал пред Государем, то его величество расспрашивал его обо всех его обстоятельствах, и он должен был в присутствии всего собрания выдержать строгий экзамен. Потом Государь признал его за незнающего и недостойного наследника искусного Тирмонда, и приказал привести со двора в особенную комнату множество дворовых работников и крестьян и заставил щеголеватого подлекаря остричь и обрить всем им большие их бороды, а после того отпустил его обратно домой в его экипаже. Это приключение столь досадно было высокомерному щеголю и любезной его супруге, что они через некоторое время после этого с остатком своего имения уехали в Данциг. Там жили они несколько лет с такою же пышностью и также весело, пока не прожили все свои деньги. Старой знакомец Тирмонда видел после, во время Шведской войны бывшего подлекаря бедным маклером, а жену его нашел в таком состоянии, что она должна была за деньги мыть чужое белье*.

5

Петра Великого отвага в очевидной опасности при наговоре Сикеля и Соковнина и их шайки стрельцов

В особенном рассуждении о наименовании Великий, которое я в Санкт-Петербургских примечаниях 1740 или 41 году припечатал, обстоятельно изъяснено и с примерами предложено, что наименование Великий никакой государь, ниже герой после смерти своей о себе не подтвердил и с беспрекословным согласием всех народов до нынешних времен не удержал, как только тот, с которым случались следующие обстоятельства и который одарен был нижеозначенными свойствами, как то: великим духом, природною острою и разумом, сильным желанием к произведению чего-нибудь великого; и которой был окружаем великими опасностями и препонами, но которой преодолевал великими и неутомимыми трудами, храбростью и постоянством, коими он приводил к концу

* От г. Шольца, штаб-лекаря при Измайловском полку.

свои намерения, от чего проистекала великая и всеобщая польза, которую через то государство получало. В вышеупомянутом рассуждении ясно показано, что все сие точно в Петре Великом находилось и что он в том превзошел многих, приобретших прежде сего наименование Великого. Можно было бы в подробнейшей истории о Петре Великом весьма ясно показать, что единая его неустрашимость все препятствия преодолевала и его от многих очевидных опасностей спасала, а также во всех его великих предприятиях ему всепомоществовала. В доказательство сего предложу я здесь два особенные приключения, коих обстоятельства хотя различно рассказывают, но здесь оныя так поставлены, как были произнесены устами очевидных и достоверных свидетелей.

Во время возмущения стрельцов, одна рота сих злобных тварей и с ними два офицера Сикель и Соковнин вознамерились умертвить Петра Великого. А чтоб удобнее сего государя в свои сети уловить, положили они зажечь посреди Москвы два соседственные дома. Поскольку царь при всяком пожаре всегда являлся прежде тех, которые его тушить долженствовали, то сговорившиеся хотели тотчас явиться на пожар, притвориться старающимися тушить, понемногу в сей тесноте окружить царя и неприметно его заколоть.

Наступил день ко исполнению сего неистового намерения: заклявшиеся, яко откровенные друзья, собрались обедать к Соковнину, а после стола пьянствовали до самой ночи. Каждой из них довольно нагрузил себя пивом, медом и вином. Между тем как прочие продолжали доставлять себе питьем мужество к исполнению сего проклятого предприятия, вышел на двор около восьмого часа времени один стрелец, которого как напитки, так и совесть обременяли. Другой, почувствовав такое же движение, пошел тотчас за ним. Когда сии двое находились на дворе наедине, то сказал один другому:

— Я, брат, не знаю, что из этого будет.

— В том нет никакого сомнения, что нам будет худо. Можем ли мы честно из такой опасности освободиться?

— Так, брат, — отвечивал другой, — я совершенно держусь твоего мнения. Иного средства нет, как нам идти в Преображенское и открыть о том царю.

— Хорошо, — сказал первый, — но как нам вырваться от наших товарищей?

— Мы скажем, — отвечивал другой, — что пора перестать пить и разойтись по домам, ежели нам в полночь надобно исполнить наше предприятие.

Потом ударили они по рукам и вошли опять в собрание сих единомышленников, коим свое мнение и предложили. Все на то со-

гласились и заключили тем, что ежели кто хочет на несколько часов идти домой, тот может сходить, но обещание свое подтвердить рукою, чтоб непременно в полночь опять явиться; а прочие бы остались у Соковнина, пока дома загорятся и начнут бить в набат.

Потом отправились эти двое от них и пошли прямо в Преображенское, где царь имел свое пребывание. Они сказали о себе одному царскому денщику, что желают говорить с царем. Царь, не доверяющийся им уже тогда, приказал их спросить, что они имеют донести. Они ответствовали, что того никому, как только самому его величеству, сказать не могут, для того, что оно весьма важно и не терпит ни малейшего упущения времени. И так сей государь вышел в прихожую и приказал обоим стрельцов пред себя позвать. Как скоро они к нему подошли, то бросились ниц на землю и говорили, что при сем приносят головы свои под меч, которой они заслужили, вдавшись в измену против него с ротою их товарищей, которые все сидят у Соковнина и по заговору своему ожидают в полночь набатного колокола, чтобы тогда царя убить. Сей ужасный донос слушал храбрый царь с равнодушием и спросил их только, правду ли они говорят? «Точно так, — сказали оба стрельцы, — мы теперь в твоей власти, вот головы наши, пойдем только к ним, то застанем их вместе до самой полуночи».

Доносителей задержали в Преображенском под стражей, а поскольку было тогда около восьми часов вечера, то царь тотчас написал записку к капитану лейб-гвардии Преображенского полку Лопухину (иначе Липунов), приказывая ему в оной собрать тихим образом всю свою роту и к одиннадцатому часу перед полуночью таким образом идти к дому Соковнина, чтоб в одиннадцать часов тот был весь окружен и все в нем находящиеся были перехвачены. Капитан верно исполнил сей приказ. А как царь думал, что в записке своей означил десятый час, то и чаял, что в половину одиннадцатого часа все застанет у Соковнина в доме исполнено. И потому по прошествии десяти часов сел он, не мешкая, в одноколку и с одним только денщиком прямо поехал к Соковнину в дом. Прибыл туда в половине 11 часа; не мало удивился, что ни у ворот, ниже вокруг дома не застал ни одного солдата отряженной гвардейской роты. Не взирая на это подумал он, что караул расставлен на дворе. Ни мало не размышляя, въехал он прямо на двор, вышел у крыльца из одноколки и с одним денщиком вошел в покои. Все тотчас в доме зашумели, когда узнали, что приехал царь. Петр Великий с неустрашимым духом вошел в покои и застал Соковнина, Сикеля и всю роту заклывшихся изменников, которые тотчас встали и изъявили своему государю должное свое почтение. Царь ласково им поклонился и сказал, что мимоездом

усмотрев у них великой свет, подумал, что необходимо у хозяина есть гости; а как ему еще рано показалось лечь спать, то и заехал в сих мыслях посетить хозяина. В сколь великом изумлении и гнѣве царь внутренно ни был на отряженного капитана, которой, по его мнѣнию, в определенное время приказа не исполнил; однако он скрывал свои внутренне движения. Он довольно времени там просидел, а изменники его пред ним стояли и выпили круговую за царское здравие, на что он им храбро отблагодарил. Между тем кивнул один стрелец Соковнину и сказал ему тихо: «Пора брать!» Соковнин, не хотевший еще открыть проклятого своего предприятия, так же ему мигнувши, сказал в ответ: «Еще нет». Как он сие говорил, вскочил в полной ярости Петр Великий и, ударив Соковнина кулаком в лицо, так что он упал, произнес громким голосом: «Ежели тебе еще не пора, сукин сын, то мне теперь пора. Свяжите сих скотов!» В ту же самую минуту по ударении 11 часов вошел в покой гвардейской капитан, а за ним солдаты его роты, с ружьями и примкнутыми штыками. Прочие изменники тотчас пали на колени и повинились. Царь приказал, чтоб изменники сами себя вязали, что и исполнено было. Потом оборотился царь к гвардейскому капитану и в первом жару дал ему пощечину, упрекнув его притом, что он в означенный час не являлся. Сей оправдался письменным его повелением, которое он, вынув из кармана, показал царю; царь же, усмотрев свою ошибку, что он одним часом описался, поцеловал капитана в чело, признал его усердным офицером и отдал ему под стражу связанных изменников. Какое же изменники получили воздаяние, известно свету*.

6

Петр Великий награждает верность и в самом бунтовщике

Хотя разные писатели описывали стрелецкие бунты в Москве, но никто еще не собрал довольно обстоятельств до оных касающихся, которые можно услышать только от старых людей в Москве и Петербурге. Эти люди время от времени умирают, а с их смертью пропадают подлинныя известия, как о самих бунтах, так и о многих важных приключениях Петра Великого, которых были они свидетелями.

Я часто делал предложение, чтобы прилагаемо было старание собирать какие только можно известия о Петре Великом

* Известно сие от Ивана Юрьевича Трубецкого, генерал-фельдмаршала, которой был тогда капитаном лейбгвардии Преображенскаго полка и царем был отряжен к казни сих изменщиков.

от тех людей, которые некогда имели счастье обходиться с ним и быть свидетелями его предприятий, дабы со временем можно было сочинить истинное и полное описание жизни сего Великого Монарха и тем уничтожить все ложные и несовершенные о нем повествования поныне находящиеся. Надлежало бы рачительно о сем стараться, потому что через несколько лет, как это вероятно, не останется уже никого в живых из тех, которые лично знали Петра Великого.

Предложение мое всеми было одобрено, и некоторые из моих знакомых, бывшие еще во время Петра Великого в Российской службе, хотели сами начать писать некоторые особенные известия о словах и делах сего Императора. Между другими знатными особами, которые не имели охоты писать, но при случае охотно такие известия рассказывали, достопочтенный старый фельдмаршал, князь Иван Юрьевич Трубецкой, сам приказал мне, чтобы я за столом, или ввечеру, когда он по своему обыкновению курил табак, смело напоминал ему о том и заводил бы разговор о временах Петра Великого. Он милостиво обещал мне рассказывать о сем Великом Императоре многое, чего нигде ещё не описано. При случае разговора о стрелецком бунте рассказывал он, что будучи капитаном Преображенского полка, стоял он на карауле у царевны Софьи Алексеевны, которая заключена была в Москве в Девичьем монастыре в комнате со сводами и крепкими железными решетками. Преданные ей стрельцы, подкопавшись нечаянно под монастырь, разломали снизу пол в той комнате, где царевна содержалась, увели ее подземным ходом, сделали новой бунт и хотели истребить всех, кто бы стал им сопротивляться. Много тогда, пролито было крови, и между прочими в ярости своей искали они и бывшего у царевны на карауле капитана Трубецкого. Они дошли уже до того места, откуда не мог он скрыться; но тогда один из них, который был некогда брадобреем у капитана и получал от него многие милости, захотел избавить его от неизбежной опасности и вызвался указать им, где капитан скрывается, потому что он прослужив несколько времени у него, знал все места в его доме. Таким образом отвел он раздраженных стрельцов от дверей той комнаты, в которой Капитан заперся, и дал ему время спастись бегством.

Через несколько дней, когда бунт был усмирен, стрельцы переловлены и осуждены на заслуженную казнь, капитан Трубецкой будучи с осударем на месте казни, нечаянно увидел между множеством перевязанных и на плахи положенных стрельцов и своего брадобрея, который спас его жизнь, Тотчас упал он к ногам царским, рассказал о верности этого осужденного стрельца и просил ему помилования. Честность сего несчастного столь понравилась

Петру Великому, что он немедленно приказал поднять его и спрашивал его самого, как он избавил капитана от убийц. Стрелец рассказал об этом приключении, также как и капитан доносил Государю. Петр Великий отдал его Трубецкому с тем условием, чтобы он никогда в Москве не показывался. Князь Трубецкой отослал его с женою и с ребенком в самые дальние свои деревни, дал ему землю для хлебопашества, и освободил его и потомков его от обыкновенного оброку. Фамилия князей Трубецких и поныне еще соблюдает то над его внуками и правнуками*.

7

**Петра Великого острое изречение
английскому королю Виллиаму**

Краткое время, которое Петр Великий при первом своем путешествии по чужим краям в Лондоне препроводил, сделалось, как он сам сказывал, от множества достопамятных вещей, которых он до сего не видывал, еще короче.

Он обыкновенно ездил и, прохаживаясь весь день, по возвращении вечером на свою квартиру, все, что днем ни усмотрел и заметил, повторял с теми, которые с ним были, притом так же часто говаривал, что ему надлежит стараться еще однажды побывать в Англии, ибо он там много находил нужного для себя научиться.

Как он однажды препроводил утро в рассматривании великолепного строения и превосходного расположения Грeenвигского госпиталя, в котором призриваемы были инвалидные матросы, и обедал при дворе с королем Виллиамом; в то же время спросил его король, как ему нравится Грeenвигский госпиталь? — «Чрезвычайно, — отвечивал царь, — да при том настолько он мне нравится, что я бы советовал вашему величеству занять его вашим дворцом, а дворец ваш уступить живущим там матросам»**.

8

**Замысловатый отказ Петра Великого на прошение жидов,
чтобы он позволил им жить в России**

Когда государь Петр I еще в первый раз был в Голландии, учился в Сардаме искусству строить корабли и повсюду наведывался обо всем потребном для приращения торговли, заведения мануфактур и обрабатывания продуктов своей земли; и тогда уже явно

* От князя Ивана Юрьевича Трубецкого.

** Известно это от английского резидента Рондо в Петербурге.

было, что одним из главных предметов его стараний было заведение торговли в своем Государстве. Он старался вызывать в Россию искусных художников, фабрикантов, ремесленников и купцов, давая им разные привилегии, совершенную свободу и доставляя многие выгоды. Хитрые амстердамские жида надеялись воспользоваться этим случаем. Хотя они знали, что царь Иван Васильевич выгнал жидов из Российского государства и следовавшие за ним Цари также не позволяли им жить в России; но они думали, что Петр Великий, совсем преобразуя Россию и отменяя столь многие старые обычаи, отменит и узаконение царя Ивана Васильевича, касающееся до их нации. Итак взяли они прибежище к славному амстердамскому бургомистру Ван-Витсену* и просили его, чтобы он исходатайствовал им у его величества позволение селиться в России, заводить купеческие конторы и производить торговлю, так же, как это было позволено и другим иностранцам; причем не позабыли они весьма подробно описать знатные выгоды какие получали бы россияне продавая продукты своей земли, через жидовских купцов». Сверх этого обязывались они из благодарности за исполнение их просьбы поднести Государю на первой случай в подарок сто тысяч гульденов наличными деньгами.

Бургомистр Витсен склонился на это и пообещал жидам при первом случае предложить Государю их просьбу. Сей почтенный муж, которого государь почитал как верного советника и почти ни в чем ему не отказывал, сдержал свое слово и при первом случае представил императору предложения и просьбу жидов. Государь сперва слушал его с важностью, а потом, улыбаясь отвечал ему следующими словами:

— Господин Витсен, вы знаете жидов, знаете и образ мыслей моего народа; и я также знаю и тех, и других. В рассуждении первых

* Николай Витсен был не только Амстердамский бургомистр, но и один из знатнейших людей, великий политик и ученый Голландских и Вест-Фрисландских штатов. В молодости своей он находился при Голландском посольстве в Москве и представлен был царю Алексею Михайловичу. Это пребывание в России подало ему первый повод с великим иждивением, со многими трудами и посредством пространной переписки и обращения с купцами и с другими армянами, персами, турками, грузинами и проч. собирать в Амстердаме материалы для издания Географической карты Северо-Восточной Татарии, которую посвятил он и переслал молодому Царю Петру Алексеевичу еще прежде прибытия его в Голландию. Через несколько лет потом, в 1692 году выдал он в первый раз выдающееся свое сочинение, называемое «Северная и Восточная Татария», на голландском языке, Петр Великий в Голландии имел короткое знакомство с этим ученым и искусным в политике мужем и весьма пользовался ежедневным с ним общением. Витсен умер в 1717 году.

еще не время позволить жидам селиться и жить в моем государстве. Скажите им моим именем, что я благодарю их за их предложение, но я стал бы жалеть о них, если бы они поселились в России, ибо хотя и думают о них, что они в торговле весь свет обманывают, однако ж я опасюсь, что они у моих россиян не много бы выторговали*.

9

Мысли Петра Великого о Венском Дворе

Известно, что Петр Великий на обратном пути из Англии и Голландии, проезжал через Германию в Вену, и там принят был императором Леопольдом с отменным почтешем. Но неожиданное известие из Москвы о возмущении стрельцов скоро отозвало его оттуда и воспрепятствовало ему пробить долее при императорском дворе и ехать в Венецию, как он прежде был намерен. Однако пронизательный монарх и в столь короткое время пребывания своего в Вене увидел, заметил и удержал в памяти много достопамятного. Некогда в Петербурге за столом своим, при случае разговора о Венском Дворе, сказал он, что все ему понравилось у Императора Леопольда; но только то странно показалось, что он при Дворе его везде находил иезуитов, и что это для него весьма удивительно: ибо Император знает, что они имея в его Государстве не менее земли, а денег еще более, нежели сам его величество, в последнюю тяжкую войну с Турцией, в 1673 году, не помогали ему ни рекрутами, ни деньгами**.

10

Мысли Петра Великого об иезуитах

Петр Великий терпя все исповедания Христианской веры без различия, позволял в своем Государстве иностранцам иметь публичные церкви, собственных своих священников, проповедников и других церковных служителей, а римским католикам и духовные их Ордена. По просьбе Римского Императора Иосифа I позволил он капуцинам иметь небольшой монастырь при их церкви в Москве, в Немецкой слободе, а францисканцам при церкви их в Петербурге. Только об иезуитах не хотел он ни от кого слышать и не терпел их в России. Он часто говаривал о них: «Я знаю, что иезуиты по большей части люди ученые, во всяких художествах искусные

* Известно это от голландца Гофи, любимого лекаря Петра Великого, которого его величество привез с собою из Голландии.

** От Тайного Советника Веселовского.

и способные, но не для меня: я знаю и то, что они кажутся всегда набожными, однако ж набожность свою употребляют только для своего обогащения и для прикрытия, а училища их и искусства служат орудиями их умыслам, выгодам Папы и их властолюбию, чтобы управлять Государями по своей воле. Некогда, говоря об этом слишком усилившемся Орден, сказал он: «Иезуиты не могут отстать от того, чтобы не мешаться во все государственные дела. Я удивляюсь тому, что есть дворы в Европе, которые не могут или не хотят этого видеть. При всей тонкости французского и испанского дворов, я не почитаю политику их очень высокою, потому что они терпят при себе иезуитов, которые присвоили себе великие владения в европейских и американских их землях и не однажды умерщвляли государей, которые были им противны»*.

11

Гнев Петра Великого за напрасно пролитую кровь

Как Петр Великий в 1704 году, по долговременной осаде, взял наконец приступом город Нарву, то разъяренные российские воины не прежде могли быть удержаны от грабежа, пока сам монарх с обнаженною в руке саблею к ним не ворвался, некоторых порубил и отвлекши от сей ярости в прежний привел порядок. Потом пошел он в замок, где пред него был приведен пленный шведский комендант Горн. Он в первом гневе дал ему пощечину и сказал ему: «Ты, ты один виною многой напрасно пролитой крови, и давно бы тебе надлежало выставить белое знамя, когда ты ниже вспомогательного войска, ниже другого средства ко спасению города ожидать не мог». Тогда ударил он окровавленную еще своею саблею по столу и в гневе сказал сии слова: «Смотри мою омоченную не в крови шведов, но россиян шпагу, коею укротил я собственных своих воинов от грабежа внутри города, чтоб бедных жителей спасти от той самой смерти, которой в жертву безрассудное твое упорство их предало»**.

* От государственного канцлера графа Бестужева.

** Известно это от Анны Ивановны Крамер, которая во время осады жила с родителями своими в Нарве; оттуда пленницею взята в Россию и по многих жизни переменах была в царском дворе придворною фрейлиною.

12

**Петр Великий слушает проповедь
в главной Данцигской церкви**

На втором путешествии в Голландию, в 1716 году, Петр Великий прибыл в Данциг в Воскресный день перед обедом, когда надлежало запираить городские ворота. Проезжая по городу, с удивлением приметил он, что улицы были пусты и почти ни один человек не встречался с ним до самого того трактира, в котором он остановился. Войдя в трактир, спросил он у хозяина, какая тому причина, что в таком многолюдном городе не видно на улицах почти ни одного человека? Хозяин отвечал Государю, что весь народ в церкви слушает проповедь, и для того во время Богослужения запираются городские ворота. Государь не хотел пропустить такого случая увидеть воскресное тамошнее богослужение и просил хозяина, чтобы он проводил его в церковь. Там находился и правительствующий Бургомистр, которой уже был уведомлен от караульных о прибытии его величества. Государь вошел в церковь, когда проповедь была уже начата. Бургомистр тотчас встал со своего места, пошел навстречу Царю и отвел его к бургомистрскому месту, которое сделано было повыше других. Его Величество сев без всякого шума, заставил бургомистра сесть подле себя и слушал проповедь с великим вниманием. Многочисленное собрание в церкви смотрело больше на Государя, нежели на проповедника; но это не могло нарушить его внимания, и он почти не спускал глаз с проповедника.

Между тем, почувствовав, что открытой его голове было холодно, снял он, не говоря ни слова, большой парик с сидевшего подле него бургомистра и надел себе на голову. Итак, Бургомистр сидел с открытой головою, а Государь в его большом парике до окончания проповеди, потом же он снял парик и отдал Бургомистру, поблагодарив его небольшим поклоном.

Можно вообразить, какое удивление произведено было сим приключением для Данцигских граждан столь необычайным, но для государя весьма обыкновенным и ни мало не стоящим внимания. По окончании богослужения городской магистрат прислал от себя к Государю депутатов для, засвидетельствования ему почтения от всего города и для пожелания ему благополучного пути. Тогда один господин из царской свиты, рассказал депутатам, что данцигское богослужение весьма понравилось его величеству, а приключение в церкви с париком господина бургомистра не должно казаться удивительным и необычайным, потому что его величество не смотрит на мелочные церемонии и привык в церкви, когда го-

лове его бывает холодно, снимать парик с князя Меншикова или с кого-нибудь другого из стоящих подле него, и надевать на себя*.

13

Замысловатый ответ Петра Великого, касающийся экономики

Государь Петр I при путешествии своем в Голландию, при-быв в Валдейскую область в Нижней Саксонии, остановился там на несколько дней, чтобы попить славную Пирмонтскую воду. Графы Валдексте (нынешние князья) приехали туда же, к знаменитому своему гостю и просили его величество по окончании лечения заехать к ним в новопостроенный их замок Арголцен, или Аролзен, отобедать. Государь обещал приехать и в назначенный день исполнил свое обещание. По окончании обеда, который был чрезвычайно великолепен и продолжался весьма долго, хозяин водил его величество по замку и все ему показывал. Потом граф спросил у его величества, как показалось ему новое строение? Государь, привыкший к умеренной жизни, отвечал, что расположение кажется ему весьма приятно, а строение весьма хорошо и великолепно, однако же он заметил в нем большую ошибку. Граф просил его величество указать эту ошибку. «Она только в том состоит, отвечал Государь, что кухня сделана слишком велика»**.

14

Равнодушие Петра Великого при бесстыдстве голландского трактирщика

На втором путешествии в Голландию в 1716 году, Пётр Великий прибыв с небольшою своею свитою в Нимвеген при наступлении ночи остановился в трактире, чтобы там переночевать и на другой день поутру отправиться в путь. В таком намерении захотел он скорее успокоиться и потребовал к ужину только несколько яиц всмятку и кусок хлеба с Голландским маслом и сыром. Спутники его ужинали вместе с ним и выпив притом две бутылки красного вина, легли спать. На другой день на рассвете, лошади стояли уже запряженные на дворе. Бывший при государе гофмаршал Дмитрий Андреевич Шепелев спросил у хозяина, что ему надобно за ночлег

* От городского синдика Валя и Бургомистра Эверса, данцигских депута-тов, бывших в Петербурге при императрице Анне Иоанновне, при взятии Данцига российскими войсками в 1734 году.

** От фельдмаршала графа Миниха.

и за ужин? Трактирщик потребовал 100 червонных. Гофмаршал весьма удивился и говорил трактирщику, не стыдно ли ему требовать такой необычайной платы за дюжину яиц и за кусок хлеба с сыром и маслом? Нет, отвечал трактирщик, и вы непременно должны заплатить мне 100 червонных. Он повторил это несколько раз и не соглашался ни мало уступить. Шепелев не осмелился заплатить и поставить в счет столь чрезвычайную сумму, пошел к Государю и спросил у него, как он прикажет поступить с бесстыдным трактирщиком. Его Величество, думая, что его никто не знает, вышел сам как бы нечаянно на двор и спросил у хозяина по-голландски, за что он требует такую большую сумму?

— Велика ли сумма 100 червонных? — отвечал трактирщик: — я заплатил бы 1000 червонных, если б я был Российский Царь. — Государь возвратился, не сказав ни слова, и приказал гофмаршалу заплатить 100 червонных. Бесстыдный трактирщик получив деньги, отпер ворота и пожелал путешественникам благополучного пути*.

15

Упражнения Петра Великого в Париже

Пётр Великий сам сочинил план путешествия своего в Париж (в 1717 году) и реестр достопамятных вещей, о которых хотел там спрашивать, и которые он хотел бы осмотреть. При первом посещении королевского опекуна и правителя Франции, герцога Орлеанского, просил он, чтобы все церемонии были оставлены, а вместо того показали бы ему Королевские строения, инвалидные дома, госпитали, арсеналы, фабрики, мануфактуры и монетные дворы, и проч.

Правитель, приняв Государя с великим почетом, уверял его, что все будешь исполнено с особенным удовольствием, чего бы его величество ни потребовал. Потом правитель представил ему молодого короля Людовика XV, который сделал царю небольшое приветствие, и как Государю надлежало низко поклоняться, чтобы смотреть ему в лицо, то Российский монарх, нечаянно подняв французского и взяв на руки**, с ласковым видом сказал ему: «Желаю от всего сердца Вашему Величеству благополучно вырасти, и со временем славно царствовать. Может быть, некогда будем мы друг другу нужны и полезны». Князь Куракин, которой находился Посланником при Штатах Голландских и Вест-

* От гофмаршала Дмитрия Андреевича Шепелева.

** Людовику XV было тогда 7 лет. — *Примеч. ред.*

Фрисландских и должен был ехать с Государем из Гааги в Париж, занимал при этом посещение, равно как и везде в Париже, место царского переводчика. Государь наслышавшись о славном заведении в Сент-Сире, недалеко от Версаля, которое учредила госпожа Ментенон, набожная любовница Людовика XIV, для содержания некоторого числа благородных девиц и для собственного своего убежища в старости, захотел осмотреть оное. Он приказал уведомить о том г-жу Ментенон и получил от нее ответ, что она почла бы посещение Его Величества за отменную себе честь, если бы не была больна и почти не в состоянии принимать посещений. «Это не помешает, — сказал Государь: — я не хочу ее беспокоить, однако же мне должно ее увидеть и засвидетельствовать ей моё почтение. Она оказала много услуг королю и государству, делала весьма много добра, и никогда почти не делала зла, кроме того, что она по простоте и суеверию сделала гугенотам»*.

В самом деле он в тот же день поехал в Сент-Сир, чтобы посетить г-жу Ментенон. Найдя ее на постели, у которой занавесы были задернуты, он отдернул их потихоньку, сделал больной весьма ласковое приветствие, сел у ног её на постели, извинялся в том, что может быть ее беспокоил, говоря, что он приехал с тем намерением, чтобы увидеть в Париже и Версале что всего достойнее примечания, и не мог оставить Францию не повидав ее и не изъявив ей особенного своего почтения. Потом его величество, не спуская с нее глаз, спросил ее, чем она больна? Старостью, отвечала она слабым голосом. Этой болезни все мы подвержены в долголетней жизни, сказал Государь, Потом встав, пожелал ей облегчения и пошел осматривать прекрасное расположение и учреждение её института.

На другой день его величество осматривал славную Гобеленскую шпалерную Фабрику с великим вниманием и удивлялся сей работе. Там были поднесены ему именем правителя четыре большие картины, тканые с прекрасных картин славного Жувенета и представляющие: рыбную ловлю Св. Петра, воскресение Лазарево, исцеление расслабленного и изгнание из храма торгующих, на коих все фигуры были в человеческой рост**.

В Королевской библиотеке, где показывали Государю знатнейшие редкости, поднесены ему были 12 книг переплетенные в сафьян с золотом, в которых собраны были изображения Королевских строений и садов в Версале и походов Людовика XIV,

* Имеется в виду отмена Нантского эдикта в 1685 г.

** Эти прекрасные обои, которые ценят в 6000 талеров, сохранены и поныне в целости. За несколько лет перед этим украшены ими были три стены в одном покое Императорского Зимнего Дворца в Петербурге.

рисованные славным Фандер-Миленот, и гравированные самыми лучшими художниками в Париже*.

Но нигде не сделано было Государю приятнейшего угождения, как в Королевском монетном дворе, в осматривании которого Его Величество проводил целое утро. Обойдя с великим вниманием все мастерские и расспросив обо всех вещах, какие он там видел, просил он наконец, чтобы показали ему, как тискаются медали. Начальник монетного двора тотчас приказал принести золотые и серебряные кружочки, на которых тискают медали и велел монетному мастеру подать штемпель. «Какой прикажете?» — спросил мастер. «Какой-нибудь», — отвечал начальник. Тотчас положили штемпель в тиски, наложили на него золотой кружочек и тиснули. Государь, примечавший внимательно все приёмы, первый подошел к тискам и смотрел, как вынимали медаль. Но в какое приятное удивление пришел монарх, когда он, взяв от начальника монетного двора золотую медаль, вынутую из тисков, на одной стороне оной увидел весьма похожий свой грудной портрет, а на другой стороне весьма лестное приветствие в эмблематическом изображении, представляющем реку и летящую славу, с надписью: *Crescit eundo* (т. е... в течении возрастает). Он стоял некоторое время удивляясь этой не ожидаемой медали, рассматривал ее пристально, переворачивал несколько раз и наконец показав ее своим спутникам, сказал им по-русски: «это я, точно я». Потом продолжали тискать эту медаль и знатнейшим из царской свиты поднесено было по золотой, а прочим по серебряной медали. Эмблематическое изображение изобретено было наперед и штемпель сделан был, как скоро получено было из Голландии известие, что Государь намерен ехать в Париж и без сомнения будет там осматривать всякие заведения.

Его Величество имел эту, столь ему понравившуюся медаль всегда в своем кабинете; а по смерти его отдана она в кабинет Санкт-Петербургской Академии Наук, где и поныне хранится в драгоценном собрании Российских медалей**.

16

Старание Петра Великого узнавать все полезное

Земледелие было одним из важнейших предметов попечения мудрого Российского монарха. Где только мог он заметить

* Эти драгоценные книги Государь имел всегда в своем кабинете, а по смерти его отданы они в библиотеку Академии наук.

** От барона Черкасова, который при путешествии в Париж был при его величестве секретарем.

что-нибудь служащее к поправлению оного, или что-нибудь вообще до экономии касающееся, никогда не уклонялось то от его внимания.

На путешествиях своих по Германии, Голландии и Франции часто выходил он из коляски, посмотреть на полевую и домашнюю крестьянскую работу и сам разговаривал с мужиками. Часто входил он в крестьянские дома и шалаши, осматривал их жилища, земледельческие орудия и до хозяйства касающиеся распоряжения, приказывал иногда на месте срисовывать некоторые вещи, и записывал свои примечания в записной книжке, которую всегда носил с собою; особенно же делал всё это на почтовых станциях, между тем, как переменяли лошадей.

На обратном путешествии из Парижа, проезжая через одну деревню, увидел он в небольшом садике работающего человека, который одет был не по-крестьянски. Государь приказал спросить о сем трудолюбивом человеке, и узнав, что то был деревенской священник, пошел к нему в сад, который насажен был множеством самых лучших и плодовых деревьев и замыкался почти целою рощею шелковичных деревьев, которыми также дом его и двор вокруг были усажены. Государь разговаривал с ним более получаса о садовой и полевой его работе, и между прочим узнал от него, что большую часть сих шелковичных и других плодовых деревьев сам он насадил и выростил. Государь спрашивал у него, от чего это происходит, что он будучи священником, сам должен работать и помогают ли ему прихожане его в работе? «Весьма редко, Государь мой, отвечал священник; у них по большей части и своей работы так много, что мало им остается времени; а мне должность моя оставляет столько времени, сколько потребно для полевой и садовой моей работы; и когда Бог дает хорошую погоду и я работаю прилежно, то получаю в год нисколько сот ливров за плоды и шелк, которые продаю. Таким образом могу я жить лучше, нежели малым содержанием, какое получаю от моего прихода. Российскому монарху весьма приятно было слушать сего доброго священника; он записал в своей книжке его имя и название деревни, и с удовольствием говорил своим спутникам: «Вот добрый человек! он сам достает себе своими трудами вино и сидр и сверх того ещё наличные деньги. Напомните мне о нём, когда мы возвратимся в наше отечество. Я постараюсь заставить и наших деревенских попов также работать, чтоб и они полевой и садовою работою доставали себе хлеб, пиво и квас, и могли бы жить лучше, нежели как ныне живут в праздности*».

* От барона Ивана Антоновича Черкасова.

17

**Удивительная любовь Петра Великого
к своему государству и отечеству**

Известно свету, что сей великий монарх совершенно преобразил Российское государство, и через восстановление регулярного войска и сильного флота, чрез введение лучшего воспитания благородного юношества, учреждения многих для своего государства в рассуждении внешней торговли доходных заводов, художеств и наук, оное очевидно вознес, соседственным государствам сделался страшным и во всех частях света знаменитым; известно и то, сколько печалей нанес ему сын его Алексей Петрович, которого он почел неспособным наследовать и совершенно от престола отпустил. И так он по одной любви к отечеству исключил родного своего сына из наследства, чтоб некогда при его восшествии не рушилось сие сильное и великолепное здание государственного его правления, и просвещенные жители оно не вернулись бы паки в прежней мрак неведения.

Еще ужаснейший опыт его таковой его ревностной любви к отечеству, в пользу коего сей отец отечества сам собою хотел пожертвовать, явствует из его в кабинете находящегося своеручного письма к Правительствующему сенату в Петербург из лагеря при Пруте 1711 года, когда он со своею армиею по несчастному случаю был 100 000 турками окружен и все дороги к привозу съестных припасов были ему пресечены. В сих опасных и почти отчаянных обстоятельствах, от коих он, по-видимому, никоим образом спасти себя не мог, кроме особенного чуда, пекся он больше об отечестве, нежели о себе самом, не взирая на то, что он видел пред собою очевидную опасность либо попасться в турецкий плен, или совсем погибнуть.

Как неустрашимый сей герой усмотрел минуту сей крайней и неизбежной опасности и почитал себя и войско свое погибшими, сел он спокойно в своей палатке, написал письмо, запечатал оное, позвал одного из вернейших своих офицеров и спросил его, подлинно ли он надеется пройти сквозь турецкое войско, чтоб свезти в Петербург депешу? Офицер, которому все дороги и лазейки того места были известны, уверял царя, что он совершенно надеется пробраться и чтоб его величество на то положился, что он благополучно достигнет Петербурга. Положась на такое уверение, вручил ему царь своеручное свое письмо с надписью «Правительствующему сенату в Санкт-Петербурге», поцеловал его в чело и только сказал: «Ступай теперь с Богом!»

Офицер в десятый день благополучно прибыл в Петербург и вручил письмо в полном собрании Сената. Но сколь ужаснулись

собравшиеся сенаторы, как запершись в одну комнату и по прочтении своеручного царского письма нашли следующее в оном содержание: «Уведомляю вас чрез сие, что я со всем моим войском без нашей вины и ошибки, но только чрез ложно полученное известие в четверо сильнейшим турецким войском таким образом окружен и столько дороги к привозу провианта пресечены, что я без особенной Божеской помощи ничего, как совершенное наше истребление или турецкий плен предусматриваю. Ежели ж случится последнее, то не должны вы меня почитать царем, вашим государем и ничего не исполнять, чтобы до ваших рук ни дошло, хотя бы то было и своеручное мое повеление, покамест не увидите меня самолично. Ежели же я погибну и вы получите верное известие о моей смерти, то изберите между собою достойнейшего моим преемником».

Подлинник внесенного здесь письма находится в кабинете Петра Великого при Санкт-Петербургском императорском дворе между многими другими своеручными письмами сего монарха и был многим знатым особам показыван от приставленного к сему кабинету надзирателя князь Михаила Михайловича Щербатова*.

18

Любовь Петра Великого к хорошим картинам

На втором своем путешествии, в 1716 и 1717 годах, Государь изъявил любовь свою к картинам и хороший вкус в оных. В Амстердаме освещал он славнейших в то время живописцев, и часто по целому часу с особенным удовольствием смотрел, как они работали, разговаривал с ними о произведениях их искусства и довел вкус свой в знании картин до немалой тонкости. Фламандские и брабантские картины предпочитал он всяким другим и собрал множество оных работы славнейших мастеров. Рубенс, Ван-Дейк, Рембрандт, Ян Штейн, Ван-дер-Верф, Лингельбах, Берггейм, Миерис, Вуверман, Брейгель, Остаде, Ван-Гуйзум, и проч. были его любимцы; особенно же любил он картины, представляющие морские виды и корабли. Отменно уважал он картины славного Адама Сило, который сперва сам был корабельным капитаном, а потом с великим успехом посвятил себя живописи и весьма прекрасно писал морские виды и корабли, особенно же лучше всех других художников он изображал корабельные снасти с крайней точностью и правильностью. И потому Петр Великий почитал

* Известно сие от князя Михаила Михайловича Щербатова, камергера и герольдмейстера Правительствующего сената.

картины его полезными и украсил по большей части ими Комнату перед своею спальнею в Петербургском летнем дворце. Также и в Петергофе, где Государь завел первую картинную галерею, состоящую из одних нидерландских картин, во дворце супруги своей, называемом Мон-Плезир, Силовы изображения кораблей и морских видов занимали главные места.

В Амстердаме, в публичном картинном аукционе, Петр Великий между множеством любителей картин, сажился обыкновенно подле маклера Ксея, живописца исторических и поучительных изображений, родом йз Швейцарии, весьма искусного знатока картин, особенно Нидерландских и их мастеров. Там накупил Государь множество картин любимых своих мастеров, из которых составил помянутую галерею в Петергофе, остальными же приказал украсить свои комнаты. Для сохранения сего знатного собрания самим им купленных картин и для умножения одного принял он в свою службу живописца Ксея, который приехав с Государем в Петербург, написал там несколько прекрасных поучительных картин, как-то: мертвую голову с загашенною, но еще курящеюся свечою, лежащие музыкальные инструменты, и проч., был живописцем Академии Наук и умер в 1743 году в глубокой старости*.

19

Любовь Петра Великого к иностранцам приезжавшим в Россию

Не можно сказать, что Петр Великий имел слепую любовь к иностранцам и к иностранным обычаям и образу жизни; но из всех обстоятельств видно, что он только для пользы своего Государства любил иностранцев и столь милостиво с ними поступал.

В 1698 году возвратившись с первого своего путешествия из Англии, Голландии и Германиии, усмотрев разность между сими землями и тогдашним состоянием России, в рассуждении нравов народа, промыслов и торговли, и приметив, чего еще недоставало ему в своем Государстве, старался он всеми способами вызывать в Россию иностранцев, способных и нужных для просвещения его нации, и произвести в действие то, что еще великий предшественник его, царь Иван Васильевич предпринял.

В 1699 году обнародовал он два указа по всему Государству, из которых в первом позволил дворянам выезжать в чужие края, но с тем условием чтобы всякий вознамерившийся путешествовать, являлся к нему и получал наставление что особенно по сво-

* От живописца Ксея.

ему состоянию и способностей должен он стараться осматривать и чему учиться; в другом указе повелевал он своим посланникам, резидентам и агентам в чужих землях объявлять везде, что всякие иностранцы, которые пожелают вступить в его службу или поселиться в России, чтоб и в отсутствии его такие иностранцы хорошо были принимаемы, и чтобы им подаваемо было вспоможение.

Потом, как в чужих землях известно стало о заложении нового города Петербурга, многие иностранцы начали туда приезжать, селились там, строили себе дома, и некоторые вступали в службу, а другие жили своими промыслами.

Петр Великий поступал со всеми весьма милостиво, давал офицерам двойное жалованье, разговаривал весьма милостиво и ласково с художниками и ремесленниками, посещал их жилища, где они работали, поручал им молодых россиян для обучения, которых при всяком случае увещевал учиться ремеслу своему или художеству тщательно и прилежно, дабы они после сами были в состоянии учить других своих единоземцев, обнадеживая их при том в своей милости или в повышении. Вероятно, что Государь либо сам приметил, либо через преданных ему любимцев проведал, что некоторые Российские господа втайне негодовали на мнимое его пристрастие к иностранцам, на короткое его обхождение с иностранными корабельными мастерами, Голландскими корабельщиками, Немецкими художниками и ремесленниками, и проч. и некоторым образом завидовали сему их преимуществу. Сие подало ему некогда случай в присутствии одних только Российских Господ говорить об иностранцах, хвалить отменную их способность и существенную услугу, какую он посредством их надеется оказать своему отечеству. Он говорил тогда при всех: «Я знаю, что явное преимущество, какое я отдаю иностранцем, не всем моим подданным приятно. Но у меня есть разные подданные: одни разумные и благомыслящие, которые усматривают, что я ласкаю и стараюсь удерживать у себя иностранцев для того, чтоб они от них научались и перенимали их науки и искусства, следовательно для блага Государственного и для очевидной пользы моих подданных. Есть у меня также безрассудные и злые подданные, которые добрых моих намерений не усматривают и не познают, хотят оставаться в старой тине своего невежества, по глупости презирают всякое добро, которое для них ново, и охотно бы препятствовали оному, если б только могли. Они не рассуждают о том, каково у нас было, пока я не побывал в чужих землях и не вызвал иностранцев в Россию, и сколь бы мало успел я без их помощи во всех предприятях против сильных моих врагов»*.

* От графа Павла Ивановича Ягужинского.

20

**Петр Великий заводит увеселительные места
не для себя только, но и для народа**

Петр Великий по завладении всею Эстляндией, овладев и городом Ревелем, не только приказал привести в лучшее оборонительное состояние городские укрепления и гавань, но также в одной против гавани лежащей приятной стране завел большой увеселительный сад со всеми принадлежащими к оному украшениями, как то; с прудами, островками, фонтанами и статуями из тамошнего Лаагбергского камня, и проч. и при оном построил прекрасный увеселительный замок с флигелями, итальянской архитектуры. Сие место назвал он в честь Императрицы, Катариненталь. Государь знал, что ему и супруге его, которая редко разлучалась с ним, когда он отправлялся в путешествие и даже, в поход, не будет времени посещать сей сад, но он желал, чтобы всякий наслаждался в нем позволенными увеселениями. Через несколько лет, прибыв с императрицею в Ревель, жил он в новопостроенном доме. Он удивлялся, не видя никого в саду гуляющего, и мимоходом спросил у часового, который сшоял у входа: от чего это происходит, что никто из города не приезжает сюда гулять? «Мы никого сюда не пускаем, отвечал солдат. «Как! — вскричал государь рассердившись, — какой дурак вам это приказал? «Наши офицеры, — отвечал часовой. «Какие дураки! — сказал государь, они думают, будто я только для себя, а не для всех, завел этот сад с таким дорогим иждивением.» На другой день, по царскому повелению, объявлено было в городе с барабанным боем, что всякому позволено приезжать в Катариненталь, гулять там и веселишься; а караульные должны только наблюдать, чтобы не происходило каких-нибудь беспорядков, и чтобы не портили деревьев. Вследствие сего Катариненталь и поныне служит лучшим гульбищем для Ревельских граждан*.

21

**Дружелюбное обращение Петра Великого
с морскими офицерами и кораблестроителями**

Во всех печатных, хотя и много несовершенных описаниях жизни Петра Великого обстоятельно видно, сколь великое желание еще с юношества своего к кораблестроению сей монарх оказывал. В оных и то упомянуто, каким благоразумием сопровождается была его любовь к мореплаванию и сколь удивительно желание сие вме-

* От Ревельского бургомистра Глейгильса.

сте с годами в нем возросло. Свету известно, что он с величайшим прилежанием изучил в Саардаме кораблестроение и не скучал тяжчайшими трудами, ежедневно являлся на рассвете на работу со своим топором и прочими орудиями, подобно простому плотнику, но что охота сия и на престоле его не оставляла и что сей государь находил приятнейшие часы вечером в собрании искусных мореплавателей и кораблестроителей; слышал я от многих россиян и иностранцев, которые имели счастье знать сего великого государя самолично. Из слышанного мною, вношу я здесь только несколько обстоятельств, которые нигде еще в печати не находятся.

Поелику Петр Великий не слишком был щедр в рассуждении великого жалованья и высоких чинов, то также и кораблестроители, коих в его время довольно число из голландцев и англичан в Петербурге находилось, при знатном своем жалованье не больше имели капитанского чина. Желание возвыситься чином подало им в голову веселую догадку. Монарх сей, как уже выше объявлено, охотно видел их около себя. Когда он где по вечерам бывал в гостях, то долженствовал хозяин большую часть из них также пригласить, чтоб служить царю к приятному препровождению времени и разговаривать о любимейшей ему вещи. Они должныствовали ближе прочих к нему сидеть, и тогда он столько откровенно с ними обходился, как будто бы он им был равный. Однажды случилось им опять быть с царем на вечеринке, где находилось великое собрание. По условию их они стояли и не хотели садиться. Царь много раз им повторял «сядьте», но они всякий раз, сделав низкий поклон, пребывали по прежнему. Наконец Петр Великий, не приметив еще причины сей необыкновенной учтивости, спросил их: что бы это значило, что ни кто не садится, и разве они не слышали, что он уже несколько раз то повторял. Тогда один из них начал говорить: «Ваше величество, не извольте прогневаться, что мы не осмеливаемся сесть в присутствии нашего государя, равняясь едва чином напольному капитану, да и самые штаб-офицеры за вами стоят и только генералы с бригадирами имеют позволение садиться с вашим величеством».

Царь, догадавшись, что они чрез сие понимают, усмехнулся и сказал: «Хорошо! На сей раз садитесь, я на сих днях поговорю в Сенате о ваших чинах». Потом, вынув свою памятную книжку, записал несколько слов и спустя немного дней вышло из Сената императорское повеление, в силу которого даны были кораблестроителям, смотря по различию заслуг, бригадирские, полковничьи и майорские чины*.

* Известно это от генерала-экипажмейстера Брюинса.

22

**Наставление Петра Великого
о различии жалованья иностранцам**

Точность великого монарха в знании свойств разных наций столь далеко простиралась, что они не только совершенно знал их различный образ мыслей и жизни, но и сообразовался оному при принятии их на свою службу и при определении им жалованья. И потому некогда в Адмиралтейской Коллегии, при случае приема некоторых мастеровых и художников, говорил он обстоятельно о том, как надлежало обходиться с такими людьми разных наций и содержать их, и что принимая их на службу должно делать с ними договор или определять им жалованье, не только по их способности и ожидаемой от них пользе, но также и по свойству их нации и обыкновенного образа жизни. Французу, говорил Государь, всегда можно давать больше жалованья; он весельчак (*bon vivant*) и всё, что получает, проживает здесь. Немцу также должно давать не менее, ибо он любит хорошо поесть и попить, и у него мало из заслуженного остается. Англичанину надобно давать еще более; он любит хорошо жить, хотя бы должен был и из собственного имения прибавлять к жалованью. Но голландцам должно давать менее, ибо они едва досыта наедаются для того, чтобы собрать больше денег; а итальянцам ещё менее, потому что они обыкновенно бывают умеренны и у них всегда остаются деньги; да они и не стараются скрывать, что для того только служат в чужих землях и живут бережливо, чтобы накопить денег и после спокойно проживать их в раю своем, в Италии, где в деньгах недостаток*.

23

**Снисхождение Петра Великого к проступкам тех людей,
к которым он привык и которые были ему нужны**

Правительствующий Сенат неоднократно открывал корыстолюбивые поступки и обманы Князя Меншикова в поставке знатного количества провианта и мундиров для армии. Иногда Сенат во исполнение своей должности посылал к нему касавшиеся до того запросы; однако тот почти никогда на те не отвечал, либо для виду посылал иногда ответ с одним из своих подчиненных; но всегда остерегался отвечать письменно, особенно ж с собственноручным подписанием. В таких обстоятельствах, дабы не принять участия в его вине, сенаторы описали главные

* От Графа Ивана Григорьевича Чернышева; он же слышал это от старых членов Адмиралтейской Коллегии.

и важнейшие пункты, в которых князь Меншиков был обвиняем, на особливом листе и положили оный на стол прошив того места, где Государь садился, не донеся ему о том заранее. Сия бумага не скрылась от пронизательного взора монарха. В первое свое присутствие в сенате взял он ее, и просмотрев наскоро, положил опять, и не говорил о ней ни слова, так, как бы совсем ее не читал. И так она лежала довольно долго пред государем на одном месте без всяких следствий. Наконец сенаторы решились начать говорить с его величеством о сем деле. Сидевший после государя, тайный советник Толстой спросил у его величества что угодно ему будет сказать о сей бумаге. «Ничего, — отвечал государь: — только что Меншиков и останется всегда Меншиковым. Господа сенаторы могли толковать сей ответ, как хотели. Бумага осталась на столе, и после никто уже более не осмеливался упоминать о ней*.

24

Подарки Петра Великого тем, которые просили его в восприемники своих детей

Великий сей монарх не гнушался, по просьбе беднейших людей, как то: ремесленников, которые для него работали, низших придворных служителей и тому подобных быть у них кумом. Он также и в дома их приходил, когда ему несколько допускало время, равно как и к знатному господину, и гораздо лучше был доволен скудным их угощением, нежели лишнею тратой, за которую всегда выговаривал. Таким же образом поступал он и с гвардейскими своими офицерами и солдатами, из числа коих почти ни одного не было, которой бы его, по крайней мере, к первому младенцу не просил кумом. Великих же подарков ни кому из них ожидать не надлежало, но только довольствоваться его милостью, ибо обыкновенной его порядок состоял в поцелуе роженице и в одном рубле, которой он, по древнему российскому обыкновению, клал под подушку роженице. Сие давал он рядовым, а офицерам по червонцу**.

Примечание: Сей анекдот слышал я некогда из уст ее величества императрицы, Елизаветы Петровны, которая одним утром в покойном платье (как то в первые два года по прибытии её племянника великого князя Петра Феодоровича почти всякое утро случалось) посетила его высочество и по случаю просила, что он подарил тому гвардейскому офицеру,

* От графа Остермана.

** Известно сие от бригадира Грота и от многих старых офицеров и других пожилых людей.

у которого он накануне крестил младенца? Когда же великий князь сказал в ответ, что он подарил ему 100 червонных, то императрица, засмеявшись, ему сказала: «Ей, ей! Ваше высочество, еще часто будете прошены в кумовья и должны иметь весьма великую сумму, когда каждому крестнику хотите дарить по 100 червонных. Блаженной памяти мой родитель, которой всеми гвардейскими офицерами и простолюдинами был просим в кумовья, редко отказывал крестить младенцев: но он давал роженице поцелуй и под подушку клал один червонец. Вот был его подарок, и все были тем довольны».

25

Отвращение Петра Великого от тараканов

Сей впрочем не весьма брезгливый Государь, увидев где-нибудь в комнате сию гадину, уходил в другую комнату, а иногда и совсем из дому. Его Величество в частных путешествиях по своему Государству при перемене лошадей не входил ни в какой дом, не послав наперед кого-нибудь из своих служителей осмотреть комнаты и не уверившись в том, что там нет тараканов. Некогда один офицер угощал его в деревне недалеко от Москвы, в деревянном доме. Государь весьма был доволен хорошим его хозяйством и домашним распоряжением. Сев уже за стол и начав кушать, царь спросил у хозяина, чист ли его дом от тараканов? «Несколько, — отвечал сей безумный хозяин, — а дабы мне совсем от них освободиться, то прибил я здесь одного к стене живого»; тотчас указал он перстом на то место, по одну сторону царя, где в самом деле был прибит гвоздем таракан и еще трепетался. Царь столь ужаснулся, увидев нечаянно сие мерзкое ему насекомое, что, вскочив из-за стола, дал хозяину хорошую пощечину и тотчас со свитой своей от него уехал*.

26

Удивительная память Петра Великого

Во время первого стрелецкого бунта в Москве, когда Петр I был еще весьма молодых лет, мать его, царица Наталья Кирилловна, сопровождаемая малою свитою верных служителей скрылась с ним в Троицком монастыре за 60 верст от Москвы, надеясь быть там в безопасности.

Но стрельцы, проведая и о сем убежище, в ярости своей приходили туда толпами, дабы убить молодого царя. Они искали его

* Известно сие от советника Шумахера, библиотекаря и главного надзирателя натуральной и художественной камеры.

езде в сем священном месте и, не найдя, толпа, этих злодеев вломила даже в церковь. Там один из них увидел молодого Государя в алтаре в объятиях своей родительницы. Злодей не устранился подбежать с ножом к невинному Государю, и приставив его к груди, готов уже был совершить убийство. Но Божественное Провидение, предопределившее произвести через него великие дела и после столь часто от очевидной опасности его спасавшее, защитило его своим могуществом и в ту минуту, когда уже никакой человек защитить его не мог, и он как бы окаменев от страха, смотрел в глаза убийце. Стрелец, приготовившись заколоть Государя держал одною рукою его за плечо, а другою нож у груди его; но другой бунтовщик, бывший в церкви закричал ему страшным голосом: «Постой, брат! не здесь в алтаре; подожди покамест выйдет из церкви: он от нас не уйдет. Между тем, и почти в то же самое мгновение, прочие стрельцы увидели многочисленную царскую конницу, скачущую во весь опор к монастырю; они закричали своим сообщникам, бывшим в церкви, чтобы они скорее спасались бегством. Все в замешательстве побежали и старались только уйти; а молодой Государь остался невредим и возвратился к преданным ему.

Более чем через 20 лет после сего приключения, когда не только сей, но и последовавшие потом бунты давно уже были укрощены, стрельцы истреблены и ни мало уже их не осталось, все в Государстве было спокойно, и Государь занимался исправлением своего войска и учрежденным флота, учил он некогда в Петербурге на Адмиралтейском лугу несколько сот новоприведенных матросов. Государь осматривал их в строю с великим вниманием, и посмотрев на одного из них, вдруг так испугался, что отскочил на несколько шагов назад и тотчас приказал его схватить. Матрос, которому совесть скоро сказала, кого Государь в нем нашел, пал на землю и закричал: «Виноват! Помилуй, Государь! Помилуй!» Никто из около стоявших, ни офицеры, ни товарищи его не знали, что это значило, потому что все они знали этого матроса уже несколько лет, как доброго человека, который верно и прилежно исправлял свою работу и никакого преступления не сделал. Но с ужасом услышали они, как Государь спросил у матроса, не стрелец ли ты, и не тот ли самый, который в Троицком монастыре в алтаре приставлял мне нож ко груди? «Так, государь, отвечал матрос: я тот самый».

Государь продолжал расспрашивать его, и он рассказывал, что он в молодости был стрельцом и сообщником в бунте, но вскоре раскаявшись в своем преступлении, спасся бегством прежде, нежели бывшие его единомышленники были переловлены и казнены; потом несколько лет в бедности скитался по отдаленным пусты-

ням; наконец сказавшись вышедшим сибирским крестьянином, записался в матросы в Архангелогородском Адмиралтействе, и по сие время служил верно и честно. Петр Великий тронут был откровенным его признанием, простил ужасное его преступление и даровал ему жизнь, но притом сказал, что он подвержен будет жесточайшей казни, если Государь еще в жизни своей когда-нибудь его увидит. Матрос благодарил Бога и Государя за сию столь неожиданную милость и сослан был в одну из самых отдаленных Российских провинций, и Государь мог быть уверен, что никогда уже его не увидит*.

27

Заведение Кунсткамеры

Петр Великий во время первого своего пребывания в Голландии в 1698 году занимался только главным своим намерением, касательно до кораблестроения, мореплавания, коммерции, художеств, фабрик и промыслов. Но во время второго своего пребывания там и во Франции, в 1717 и 18 годах, гораздо уже рачительнее старался он особенно о науках и художествах. Везде осматривал он публичные знатнейшие частных людей собрания картин, произведений искусства и натуральных редкостей. Особенно в Амстердаме возбуждали его любопытство два весьма редкие и дорогие кабинета, которые он часто посещал, с величайшим вниманием осматривал и наконец купил дорогою ценой и с великою осторожностью приказал перевезти в Петербург. Один из сих кабинетов состоял полным анатомическом сокровище, над собранием которого славный профессор Рюйш трудился свыше 40 лет. Описание оногo напечатано в Голландии под названием: *Thezaurus Anatomicus per scrinia divisus* со многими фигурами и у врякаго анатомика находится; оригиналы же все с того времени хранятся в Санкт-Петербурге при Академии Наук. Другой кабинет составляло тогдашнего амстердамского аптекаря Зебы большое собрание всех известных земных и морских животных, птиц, змей и насекомых из Ости Вест-Индии, которого описание в двух книгах, в лист, с прекрасно гравированными фигурами, известно под названиемъ: *Sebae Thezaurus Naturae etc.* Петр Великий приказал в Амстердаме живописцу Кселю списать и портреты обоих сих славных мужей и поставить их в Кунсткамере при сих собранных ими вещах. Портрет Зебы и поныне еще находится в Академии, но куда девался Рюйшев

* От фельдмаршала Князя Трубецкого, также и от Адмиралтейского генерал-экипажмейстера Брюинса.

портрет, неизвестно. Библиотекарь Шумахер думал, что он по кончине Петра Великого не был отдан в Академию вместе с прочими вещами, но попался в число других картин, либо как-нибудь утрачен. Упомянутые два славные во всем свете собрания составляли первое основание кабинета натуральных редкостей, находящегося ныне при Академии Наук. Петр Великий приказал для одного очистить особенный отделенный от других строений каменный дом при Неве-реке, на так называемом Смольном двор. Там всякую неделю по два или по три дня проводил он утром в систематическом рассматривании вещей, пока наступало время ехать в Адмиралтейство. Он столько занимался этим собранием множества редких и драгоценных вещей, вывезенных из отдаленных частей мира, что некогда назначил там поутру в пять часов первую аудиенцию прибывшему к нему от Римского Императора посланнику. При сем случае Канцлер представлял ему, не лучше ли угодно будет его величеству дать посланнику первую аудиенцию в Летнем дворце? «Пусть он сюда придет, — отвечал государь: — для посланника все равно, где бы я в первый раз его ни принял; он прислан ко мне, а не в какой-нибудь дом, и может сказать мне что надобно там, где меня найдет». И так аудиенция дана была в пять часов поутру в Кабинете натуральных редкостей.

В другое время его величество опять однажды был там с генералом-прокурором Павлом Ивановичем Ягужинским, некоторыми сенаторами и другими знатными особами, то показал он им систематическое установление натурального своего зала и Руйшева неоцененного анатомического сокровища, изъяснил им, сколько то собрание полезно к познанию человеческого тела, коему необходимо научиться должны врачи для основательнейшего лечения больных. Тогда приказал его величество находящемуся под начальством лейб-медика Арескина, главного оной Кунсткамеры надзирателя, библиотекарю Шумахеру: поелику все в надлежащем порядке учреждено и расставлено, то бы впредь всякого желающего оную посмотреть пускать и водить, показывая и изъясняя вещи.

Ягужинской превозносил сие милостивое монаршее намерение пристойными похвалами, но по безрассудной ревности к корысти прибавил к тому сие предложение, что поелику к содержанию столь драгоценных редкостей ежегодно требуется некоторое изживание, то мог бы каждый, желающий оные посмотреть, давать за вход по одному или два рубля, от чего бы собрана была такая сумма, из коей бы можно тратить на содержание и умножение сих редкостей.

Царь, желавший всякими способами привлечь подданных своих к познанию природы и художеств, прервал тотчас речь Ягужинскому

и сказал: «Павел Иванович, ты глупо рассуждаешь! И предложение твое более бы воспрепятствовало, а не споспешествовало моему намерению. Ибо кому была бы нужда в иностранных моих редкостях и кто бы пожелал видеть мою Кунсткамеру, если б ему за то надлежало еще платить деньги? Но я притом еще приказываю, чтоб не только каждого безденежно впускать, но сверх того всегда как ни соберется общество, угощать их на мой счет чашкою кофе, стаканом вина, рюмкою водки и другими напитками в самых Кунсткамерах».

В силу сего высочайшего повеления определено было библиотекарю сверх сего годового жалованья еще 400 рублей в год на упомянутое угощение, еще при царствовании императрицы Анна Иоанновны часто я видел, что знатнейшие посетители в Кунсткамере были угощаемы кофеем, венгерским вином, цукербротом и, смотря по годовому времени, разными плодами; посредственных же людей водил туда суб-библиотекарь или другой служитель, которому все вещи известны были, и с кратким изъяснением показывал им все редкости*.

28

Благосклонность Петра Великого к новым проектам

Благоразумие повелевает не все вдруг отметать, но наперед всё надлежащим образом исследовать, дабы выбрать доброе. Благоразумный Монарх, Петр Великий, наблюдал сие с великою осторожностью. И кроме того имел он врожденную склонность всем тем заниматься и все то исследовать, что имело хотя бы некоторый вид пользы при преобразовании Российского Государства и могло в чем-нибудь споспешествовать благу оногo.

Посему не оставлял он ни одного из подносимых ему проектов без исследования, кроме алхимических, ибо, он почитал себя уверенным в том, что утверждающий о себе, будто умеет делать золото, должен быть неискусным и неосновательным химиком, и как он обыкновенно говаривал, либо невеждою в химии, либо обманщиком. Сей великий дух, любя получать всякий день новые познания о всяких вещах и пользуясь всяким к тому случаю, благосклонно принимал всех предлагавших ему новые проекты. Он не только имел терпение со вниманием их выслушивать, но и повелевал с осторожностью искусным людям исследовать их предложения и тайны, и притом сам бывал свидетелем справедливости

* Известно сие от господина советника Шумахера, библиотекаря и главного надзирателя натуральной и художественной камеры.

или несправедливости, удобства или трудности проекта. Во всем требовал он доказательств и действительных опытов, на которые не жалел иждивения. Если опыты соответствовали его ожиданию и обещанию предлагавшего проект, то Государь награждал его сообразно важности проекта и предлагал ему пристойное место в своей службе. Если же проект оказывался несправедлив, неудобен к произведению в действо и бесполезен, то Государь примечал, что сочинитель оного сам не имел о вещи довольно основательного сведения, или в чем-нибудь ошибся, либо по крайней мере не имел намерения обмануть его; то снисходительно показывал ему его ошибку, давал ему какой-нибудь подарок за труд, либо денег на дорогу, ежели он приезжал со своим проектом из другого места, и еще извинял его пред теми, которые хотели его величеству сие отсоветовать, говоря: «Может быть, он честный человек; он только не разумел лучше этого дела, а имел доброе намерение и хотел оказать мне услугу»*.

29

Запрещение Петра Великого, чтобы на улице не падали перед ним на колени

В первые годы по основании Петербурга, когда еще весьма немногие улицы были вымощены и во многих местах весьма было грязно, особенно же в дождливую погоду простой народ по старому обычаю, увидев Государя, падал перед ним на колени, после чего часто вставали они все вымаравшись в грязи. Петр Великий не хотел этого, и всегда делал знак народу, чтоб те не падали на колени, и даже часто говаривал, что это ему не нравится. Однако ж народ не оставлял старого обычая, и Государь должен был запретить, под страхом наказания кнутом на улице падать пред ним на колени и пачкаться в грязи**.

30

Петр Великий в военной и морской службе

Уже с младенчества своего приготовился Петр Великий быть истинным героем, ставил себе в удовольствие те тягости, которые сопряжены с солдатским знанием, и для снесения оных приучал себя к простому и суровому житию. Едва исполнилось ему десять лет, как он набрал себе в Москве роту солдат из молодых дворян,

* От фельдмаршала графа Миниха.

** От лейб-хирурга Яна Гофи.

стоял с ними в лагере и ежедневно упражнялся с ними как в надлежащем воинском учении, так и в отправлении всех случающихся при оном работ. Ибо он, не взирая на свою власть, не хотел однако ж объявить себя капитаном сей первой регулярной российской роты, но паче служить с низшего степени и сам обучиться службе. И так был он долгое время барабанщиком, а потом двенадцать лет рядовым солдатом. Когда приходило время его караула, то ночевал он с товарищами своими в палатке или на палочной, стаивал как днем, так и ночью на часах, имел вместе с другими простую солдатскую пищу.

При делании, для увеселения и воинского учения, крепостцы возил он с прочими землю тележкой, которую он сделал собственными руками. Таким образом молодой сей герой не только сам приучился ко всем военным тягостям, но и подавал собою пример тем, которых он хотел привлечь к военной службе. Он всегда осуждал тщетное воображение о знатном происхождении и заслугах своих предков; напротив того старался вкоренить в молодое дворянство истинное любочестие, чтоб по его примеру приобретать пред другими честь, чин и преимущество, не чрез заслуги предков, но чрез свои собственные. Из сего намерения российского монарха произошло в последующее время 1722 г. в опубликованном регламенте, что преимущество одного в рассуждении другого определяется только через царскую службу, и никто другим чином пользоваться не должен, как только тем, который он в службе приобрел. Но кто совсем не служил или не служит, тот не имеет никакого чина. В силу того и поныне во всей России имеет младший дворянин пред старшим, даже и бароном, графом и князем, преимущество, ежели тот в гражданской или воинской службе имеет в рассуждении последнего вышний чин. Ибо без заслуг, а за деньги покупать чины, так как при различных дворах случается, должно сказать в похвалу сего государства, не бывало и нет сего обыкновения в России.

Когда после юношеских сих Петра Великого военных упражнений приятнейшее его упражнение было мореплавание, кого искусству он в Саардаме и в Амстердаме научился, то и служил он сам с низших чинов в своем флоте и наконец дошел чином до *шут би нахта* или контр-адмирала, чем он столько был доволен, что заслугам своих адмиралов и вицеадмиралов, которые имели выше его чин, давал пред собою преимущество. Некогда освободилось при флоте вице-адмиральское место, которое по адмиралтейскому штату долженствовало опять быть занято. *Шут би нахт* Петр Алексеевич подал челобитную в Адмиралтейскую коллегию, в которой, прописывая свою службу, просил о помещении на по-

рожную ваканцию. Дело сие было прилежно рассматриваемо, а по основательном рассуждении, было свободное сие место отдано другому контр-адмиралу, на прошение же *шут би нахта* Петра Алексеевича вышел ответ таков, что коллегия довольно признает оказанные им до сего времени услуги, надеется также, что он впредь будет стараться еще о больших заслугах, и обнадеживает его желаемым возвышением, как скоро опять случай к тому откроется. Ныне же, сравнивая его морскую службу с службою другого контр-адмирала, усмотрела она, что сей гораздо долее служил морским офицером, и во многих случаях на море себя оказал; Адмиралтейская коллегия, наблюдая справедливость, не могла ему на сей раз дать пред другим преимущества и произвести вице-адмиралом. Петр Алексеевич был сим решением доволен и сказал при дворе, когда зашла речь о сем производстве: «Члены коллегии справедливо судили и правильно поступили. Если бы они были столь подлы, чтоб от заискивания предпочли меня моему товарищу, то конечно бы за то должны были отвечать»*.

31

Петр Великий угощает Голландских корабельщиков блинами

Великий наш император обыкновенно посещал Голландских и почти всех других корабельщиков, которые в Петербург приезжали, на их кораблях. Он осматривал строение их кораблей, особенно же тех, в которых было что-нибудь отменное. Ему не противно было, когда корабельщики угощали его рюмкою водки или вина, сыром или сухарями. Он разговаривал с ними об их путешествии, особенно по Балтийскому морю, с удовольствием слушал опытные их замечания, и часто вступал с ними о том в пространный разговор. Они имели позволение являться во дворец и смотреть всякие торжества, и даже часто были весьма хорошо угощаемы при дворе. Все это столь нравилось сим людям, по вольному их образу жизни, что они с великою охотою приезжали в Петербург. Российский торг в Санкт-Петербурге был тогда уже в цветущем состоянии. Смелость корабельщиков и свободное их обращение с императором содержали в страхе Государственных служителей, которым надлежало иметь с ними дело, и споспешествовали скорому отправлению их дел. Если причиняемо было хоть малое неудовольствие сим мореходам, то они тотчас грозили, что будут жаловаться Его Величеству. Из частых опытов известно было, что Государь позволял им свободный к себе доступ без всяких околич-

* Известно сие от адмиралтейского генерала-экипажмейстера Брюинса.

ностей, и тотчас требовал к ответу тех, на кого они жаловались. Одним словом, корабельщики; а особенно Голландские, которые составляли тогда большое число, обходились с Петром Великим весьма вольно. Но император, зная обычай сих людей и отменно любя их по многим причинам, не гневался на такое их поведение, но прощал им и увеселялся оным.

Некогда встретился он в саду Летнего дворца с недавно прибывшим Голландским корабельщиком, который прежде часто бывал в Архангельском городе и тогда в другой раз приехал в Петербург. Государь спросил у него, не лучше ли ему нравится в Петербурге, нежели в Архангельске, и не с такою ли ж охотою приезжает он в Петербург, с какою прежде туда ездил? Нет, отвечал корабельщик. Император удивился сему ответу и спросил у него с некоторым неудовольствием о причине. Отважный корабельщик, тотчас догадавшись, что первый его ответ был не учтив и неприятен Государю, сказал: «Ваше величество, в Архангельск лишь только приедешь, тотчас найдешь хорошие блины, а здесь их нет. «Хорошо, — отвечал император, засмеявшись, — такому можно пособить приди завтра со своими земляками, другими корабельщиками, ко мне во дворец, я покажу тебе, что и здесь есть блины также, как и в Архангельске». Как скоро Его Величество возвратился во Дворец, то призвав к себе первого своего повара Фельтена, приказал ему на другой день к вечеру приготовить хороших голландских блинов и что еще к тому надобно было. На другой же день все голландские корабельщики позваны были в Летний дворец на ужин, и в присутствии его величества угощены были в саду так хорошо, что разошлись оттуда уже на рассвете*.

32

Спазматические припадки Петра Великого

Известно, что Петр Великий с молодых лет до самой кончины часто имел припадки сильной спазмы в мозгу, или некоторого рода конвульсии, от которых он несколько времени, иногда по целому часу, бывал настолько мрачен и сердит, что даже те, которых в другое время любил он иметь при себе, обыкновенно от него уходили. Признаком этих припадков было чрезвычайное искривление шеи на левую сторону и кривлянье лица. Поскольку эти припадки примечены были в Государе не с самого детства, но уже через несколько лет по вступлении его на престол, то вообще думали, что причиной оных был либо жестокий страх, пре-

* От генерала-экипажмейстера Брюйнса; также от Фельтена.

терпенный им в Троицком монастыре (см. Анеkd. 26), либо яд данный ему тайно, по приказанию сестры его, властолюбивой царевны Софьи Алексеевны. Особенно же часто бывали эти конвульсии когда он был чем-нибудь раздражен, или когда случилось ему вдруг рассердиться, что тотчас можно было приметить по внезапным его содроганиям, кривлянью лица и по тому, что он начинал искривлять шею. Давидова арфа служила самым лучшим лекарством для царя Саула в подобном припадке; но против конвульсий Петра Великого, Павел Иванович Ягужинский, бывший тогда еще царским денщиком, заметил иное не менее действенное средство, и часто употреблял оное с хорошим успехом. Найдя государя в таком состоянии, он убежал от него, но вскоре опять возвращался с Императрицею, или в отсутствии её с другою молодою госпожою, какая ему встречалась; вводил ее без доклада в комнату к Государю, как бы будучи послан за нею, и сказав: «Петр Алексеевич, вот она, с кем хотел ты говорить, оставлял его с нею наедине. Не известно, нечаянное ли присутствие особы прекрасного пола, к которому Государь имел великую склонность, или приятные слова молодой прекрасной женщины имели столько силы над его припадком; но только то известно, что он всегда бывал так тронут увидев нечаянно прекрасное лицо, что конвульсии скоро прекращались., и государь выходил потом в самом спокойном расположении и с веселым лицом*.

33

Попечение Петра Великого о наблюдении полицейского порядка

Граф Девиер, который в царствование императрицы Екатерины I был несчастлив и старанием тестя своего князя Меншикова сослан в Сибирь, откуда уже через 15 лет был возвращен императрицей Елизаветой Петровной, был воспитанник Петра Великого, служил при нем несколько лет пажем, потом денщиком. После того он был полковником, генерал-майором, генерал-поручиком и наконец даже до упомянутого своего несчастья, генерал-полицеймейстером, каковую должность надлежало ему отправлять с рачением, потому что Петр Великий внимательно наблюдал всё касающееся полиции, особенно в новом своем любимом городе, и ничто от внимания его не могло укрыться. Некогда Государь, по обыкновению своему, ехал в одноколке вдоль по берегу Мойки,

* От графа Павла Ивановича Ягужинского, который рассказывал это за столом у Саксонского посланника, Графа Линара.

имея с собою генерал-полицмейстера; подъехав к небольшому мосту, сделанному через канал, проведенный из Головинского сада в Мойку, против острова, называемого Новою Голландиею, где хранился дубовый лес для корабельного строения, нашли они мост испорченным и несколько досок с него разметанные, так что без опасности проехать было невозможно. Государь должен был выйти из одноколки, приказал денщику своему поправить доски и как-нибудь укрепить, дабы можно было проехать по мосту. Он так разгневался на небрежение полиции о мостах и улицах, что на том же месте поколотил генерал-полицмейстера своею палкою и сказал ему: «Впредь будешь ты лучше стараться, что бы улицы и мосты были в надлежащей исправности, и сам будешь за этим смотреть. Между тем мост был починен и гнев у государя прошел. Он сел в одноколку и сказал генерал-полицмейстеру весьма мило-стиво, как бы ничего между ними не случилось: «Садись, брат»*.

34

Охота Петра Великого

В противность обыкновения всех владетельных дворов, Петр Великий не имел у себя егерского корпуса, но только несколько придворных охотников, которые через свою стрельбу должныствовали доставлять дичь в императорскую поварню, а при Адмиралтействе двух лесничих, которых должность была означать строевой лес в близ находящейся роще и иметь особенное попечение о приращении дубов.

Он никаких звериных травлей терпеть не мог. Как он однажды находился в некотором подмосковном селе и был приглашен одним соседственным дворянином, которой был великий охотник, на приготовленные для его величества веселости, охоту и медвежьёю травлю, сделал он ему дружеский отказ, объявив: «Гоняйте, сколько вам угодно диких зверей, сие не составляет мне никакой веселости, покамест я вне государства дерзкого моего врага гнать, а внутри оною диких и упорных подданных укрощать имею»**.

* От камергера графа Девиера, сына упоминаемого здесь генерал-полицмейстера.

** Известно сие от гофмаршала Дмитрия Андреевича Шепелева.

35

**Ревность Петра Великого
в открытии обмана и в уничтожении суеверия**

Между многими опытами своего разума, оказал Петр Великий сильнейший опыт оного в том, что при всяком случае умел истреблять народный страх, основывавшийся на простоте, суеверии, незнании и обмане. Сколь выгодна сама по себе сия предосторожность для государственного покоя, столь благополучно всегда удавалось Петру Великому произведение оной; при том тем скорее и достовернее, чем меньше он давал времени вкореняться сей вредной вещи.

Когда уже Петр Великий мужественно преодолел злобу и неразумие, препятствовавшие ему в новом его заложении города Петербурга, и в 1720 году разные острова сего места несколькостами домов были застроены, так называемая Петербургская сторона, как около крепости, так и за нею, многими публичными строениями, лавками, магазинами и коллегиями была занята, и царь находился за день езды расстоянием от города и был занят деланием Ладожского канала, произошло вдруг великое стечение народа в церковь, находящуюся на Петербургской стороне, на пронесшийся слух, что больший образ Богоматери проливал в оной слезы. На сие сделала тотчас суеверная чернь опасное свое истолкование, что Богоматери страна сия противна, для того плачет и слезами своими новому сему городу и, может быть, всему государству возвещает угрожающее великое несчастье.

Тогдашний великий канцлер, граф Головкин, живший по близости той церкви, пошел в оную, но едва мог опять обратно сквозь толпу пробраться, тем менее еще того разогнать стечение народа. Он отправил тотчас к Петру Великому вершника* с известием о чудесном сем приключении и роптании народном. Царь немедленно от туда поднялся, ехал во всю ночь, прибыл поутру нечаянно в Петербург и тотчас пошел в церковь, где был принят духовенством и поведен к чудотворному или плачущему образу Богоматери. Его величество не видел его при себе плачущего, но от многих присутствующих услышал, что оный уже часто и за несколько еще дней слезился. Сей монарх довольно времени прилежно рассматривал святую сию икону, однако при всем том показалось ему нечто у глаз оной подозрительно, требующее ближайшего исследования; не подав ни малейшего о том знака, приказал он одному из находившихся там священников снять икону с возвышенного её места и в сопровождении его величества нести оную в его дворец. Там прозорливый

* Вёршник — на Руси в старину конный наездник, всадник на службе у знатных и богатых людей, ездивший перед господским экипажем.

сей монарх в присутствии великого канцлера, некоторых знатных своего двора особ, первейшего духовенства и священников помянутой церкви, которые были при снятии сей святой иконы и оную во дворец несли, исследовал всё подробно на сем образе, который довольно был густо покрыт красками и лаком.

Тотчас в начале усмотрел его величество весьма малые и почти неприметные скважины у углов глаз, которым сделанная на оных тень больше долженствовала препятствовать к рассмотрению. Петр Великий обратил образ, оторвал оклад, отколол собственною рукою подкладку назад и ко удовлетворению своего чаяния и первого заключения открыл он обман и источник слез священной иконы Богоматери, а именно: вырезанную пустоту близ глаз, где еще осталось несколько масла, которое было удерживаемо заднею подкладкою. «Вот тайна! — вскричал он тогда. — Вот вам источник чудотворных слез!» Каждой из присутствовавших долженствовал к образу подходить, смотреть сие открытие и собственными глазами увериться в хитром обмане.

Потом доказал мудрый сей монарх окружившим его яснейшими доводами, как пущенное масло в прохладном месте до тех пор может пребывать густым, покамест не распустится от теплоты: таким образом делалось и у сего осмотренного образа, где оное выступало слезами из показанных скважин, когда пламя затепленных пред иконою свеч столько близко приближалось к глазам, что места те разогреются и сокрытое масло от теплоты делается жидко. Сим открытием и показанием обмана окружавшим его, яко очевидцам, казался по наружности монарх быть довольным и спокойным и не показывал никакого знака о исследовании виновника сего обмана, но сказал только наконец присутствовавшим: «Вы теперь все видели, что было причиною мнимых слез иконы Богоматерней. Я не сомневаюсь, что вы везде расскажете и всех известите о том, что вы теперь сами видели и в том удостоверились; следственно, посмеете и уничтожите сие столь неразумное и, может быть, злобное истолкование сего вымышленного чуда. Сей же искусством сделанный (а не чудотворный) образ оставлю я у себя и поставлю в мою кунсткамеру».

Между тем сей монарх, крайне разгневанный сим обманом и злобным истолкованием искусственных слез, прилагал тайно все свои старания сыскать тому виновников. Спустя несколько времени и по многом исследовании, открыл он их и, по признанию их и по объявлении всех обстоятельств и намерения, с таковою строгостью их наказал, что никто более не имел охоты впредь приниматься за таковые обманы*.

* Известно сие от придворного интенданта Кормадона.

36

**Любовь Петра Великого к картинам
и введение гравировального искусства**

Еще при первом путешествии по Германии, Голландии и Англии в 1697 году, Петр Великий возымел охоту к хорошим картинам и уважение к искусным живописцам, хотя главный предмет сего путешествия и не позволял ему заниматься тем с отменным вниманием. Он и тогда привез уже с собою в Москву много хороших картин и весьма искусного гравера и рисовальщика Петра Пикарда, которого в Голландии принял в свою службу. Сему художнику приказал он вырезать на меди некоторые виды города Москвы и окрестных мест; также в 1716 году российский флот перед Кронштадтом, в 1714 году вид города Петербурга и многие другие изображения. Сей же Пикард рисовал и вырезывал на меди изображения забавных празднеств, которые государь иногда учреждал в Москве для своего увеселения и с некоторыми особенными намерениями, как-то: свадьбу Карлов, Китайскую свадьбу, праздник Князя Папы, и проч. Несколько досок и отпечатков некоторых из сих изображений и поныне еще можно найти. Он же рисовал и гравировал прекрасное изображение Полтавского сражения, на доске в 2 фута и 4 дюйма длиною, а высотой в 1 фут и 8 дюймов; равным образом осаду Турецкой крепости Азова в 1696 году, где наперед представлены государь Петр I; фельдмаршалы Алексей Семенович Шеин, и Гордон, генерал-фельдцейхмейстер Головин и генерал-адмирал Лефорт; первые в русской одежде на лошадях, а последние в старой французской с аксельбантами, в большом виде и с похожими лицами. Сей столь же искусный, как и прилежный гравер, которого государь отменно любил и часто возил с собою в санях и в одноколке, не только вырезал много досок с прекрасных рисунков, но и обучал своему художеству некоторых порученных ему от Государя способных учеников, которые сами потом хорошо гравировали, особенно же изображали для Петра Великого первые корабли и другие суда. Одним из искуснейших между ними был Алексей Зубов, который вырезал много хороших эстампов и между прочими в 1721 году с отменным искусством изображение морского сражения при Грейгаме, на доске в 28 дюймов длиною и в 20 вышиною.

Во время пребывания государева в Париж писали портрет его два славнейшие портретные живописцы, Натугар (тесть столь же после прославившегося живописца Токе) и Ригод. Первой представил его по колени, в панцире, и в такой же величине супругу

его императрицу Екатерину, сидящую, с привезенного из Петербурга портрета*. А другой написал Государев портрет в такой же величине, для французского двора, или для тогдашнего регента и опекуна малолетнего Короля Людовика XV**.

В последние годы император имел в службе своей искусно портретного живописца Дангауера, который совершенно в итальянском вкусе самыми живыми красками и с отменным расположением света и тени писал портреты как Петра Великого, так и супруги его, в различных положениях. В то же время жил в Петербурге королевский прусский посланник барон Фон-Мардефельдт, который был столь же искусный миниатюрный живописец, как и Министр. Он написал портреты не только императора и императрицы, но и обеих прекрасных царевен, Анны Петровны и Елизаветы Петровны, на слоновой кости величиною в 8 долю листа, с превосходным искусством и совершенным сходством; ибо списывал оные с них самих, и им поднес в подарок, сняв для себя копии***. Государь, имея и по государственным делам много сношения с сим знатным министром и живописцем, часто просиживал с ним по целому часу, смотрел на его живопись и удивлялся его искусству****.

37

Ненависть Петра Великого к неблагодарности

Ненависть к подлым порокам, особенно же к неблагодарности, как гнуснейшему из оных, была естественным следствием великих и добродетельных чувств, каких душа Петра Великого с самой младости его была исполнена. Монарх изъявлял ненависть сию при всяком случае сильным гневом.

* Оба эти превосходные портрета привезены были в Петербург, и в царствование императрицы Елизаветы Петровны часто видел я их у тогдашнего Канцлера Графа Воронцова.

** Сей прекрасный портрет в 1773 году был привезен из Парижа в Петербург в собрании картин и куплен ее императорским величеством Екатериною II в числе других преизрядных картин.

*** Сии четыре картины подарены были от императрицы Екатерины I, Герцогу Голштинскому при вступлении его в супружество с царственною Анною Петровною. Он взял их с собою в Киль, оттуда сын его, великий князь Петр Феодорович — привез их с собою в Петербург и с отменным уважением хранил в своем кабинет.

**** От Барона Мардефельдта, племянника упомянутого Министра, который после сам был королевским прусским посланником при дворе императрицы Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны.

Из многих и различных случаев, при которых добродетельный Государь изъявлял ревность свою к признательности и отвращение от нечувствительности и неблагодарности, упомяну здесь только об одном.

Государь при заведении Адмиралтейства в Санкт-Петербурге, между прочими иностранными мастерами, выписал из Голландии весьма искусного якорного кузнеца и определил ему знатное жалованье, договорившись притом с ним, как и со всеми другими обыкновенно делал, чтоб он обучил своему искусству несколько молодых Россиян. Между ними один учился с отменным пред прочими успехом, так что мастер его в немногие годы не только объявил его первым своим подмастерьем, но при случае представил и Государю, как лучшего своего ученика, и просил прибавки к небольшому его жалованью. Но Государь, знавший своих людей лучше, нежели голландский мастер, обещал исполнить его просьбу, однако ж примолвил к тому, что довольно еще останется времени сдержать свое слово, и приказал ему несколько подождать, а между тем примечать за новым своим подмастерьем, не употребит ли он во зло прибавки жалованья. Итак русский подмастерье остался еще на несколько месяцев при старом жалованье. Наконец лишился он терпения и вознамерился при удобном случае без ведома своего мастера подать государю прошение о прибавке. Государь вспомнив, что и честный его учитель о том просил, принял прошение милостиво. Но в оном между прочим нашел он, что проситель, обучившись совершенно своему искусству, может и сам делать якори не хуже прежнего своего мастера, и других учить, и что государь не имеет уже нужды производить мастеру его столь знатное жалованье, но может отпустить его, а напротив того дать просителю обещанную прибавку. Прочитав сие, государь так разгневался, что бросил подмастерье бумагу в лицо и говорил ему: «Негодный! Это ли благодарность твоя честному твоему мастеру и благодетелю, которой не только тебя ревностно учил, но еще и мне рекомендовал и просил прибавки тебе жалованья. Я никогда не отпущу его, покамест он хочет у меня оставаться, и не убавлю его жалованья; а тебе за твою неблагодарность долго еще прибавки дожидаться». Потом разгневанный Государь приказал наказать неблагодарного подмастерья батожем при всех его товарищах и отослал в отдаленное место, где также была якорная кузница*.

* От капитана Крюйса, сына адмирала Крюйса.

38

Справедливость Петра Великого

Российский монарх оказывая сам всякому справедливость, столь же строго и от других требовал справедливости и вообще против всякой несправедливости был весьма чувствителен. При всяком, случае оказывал он убедительнейшие опыты сего своего правила, которое было основанием всех его законов. Следующее приключение послужит ему примером.

Голландский корабельщик Даас, был один из тех трех корабельщиков, которые по переведении торговли из Архангельска в Петербург, первые пришли с нагруженными кораблями в новую Кронштадтскую гавань и в Петербург.

Сему корабельщику при третьем его приезде в Кронштадт, когда не было еще там двойной гавани, но купеческие корабли должны были стоять вместе с военными, случилось несчастье, что корабль его на ходу ударился о фрегат и расшиб у онаго фалрип (лесенку, по которой всходят на корабль). Командовавший фрегатом русский поручик так рассердился на сию неосторожность Голландского корабельщика, что выбравив его жестоко, велел взять его под караул и потребовал с него в наказание некоторую сумму денег. Корабельщик не отрекался заплатить все то, чего будет стоить починка фалрипа; но поручик был тем не доволен и поставил на Голландский корабль несколько русских солдат и матросов. По счастью корабельщика, на другой день Петр Великий прибыл в Кронштадт. Он не соглашаясь на несправедливое требование поручика, немедленно пошел к государю и принес его величеству жалобу. Творец Российского мореплавания и торговли с иностранцами, принимавший всегда ласково и милостиво корабельщиков, провизжавших в новые его гавани и города, весьма разгневался на несправедливость поручика. Он сам тотчас сел в шлюпку и поехал в гавань, чтобы осмотреть вред причиненный фрегату, и нашел что только фалрип был расшиблен, который в несколько часов можно было починить с небольшою издержкою. Он сделал жестокий выговор поручику. «Не стыдно ли тебе, сказал он, поступать так несправедливо с иностранными корабельщиками, с которыми и сам я обхожусь ласково, чтобы они охотно приезжали в новую мою гавань, Сейчас же сведи свой караул с голландского корабля! Корабельщик по справедливости вызывался заплатить тебе за починку фалрипа; а ты хотел насильно взять с негодесятеро больше, нежели того, чего и новой фалрип стоит. Если я впредь еще услышу о таких твоих поступках, то научу тебя справедливости; а теперь отдай приказ, чтоб фалрип в три часа непременно был сделан точно также, каким был прежде.

Потом государь отправился осматривать разные новые заведения в Кронштадте. Через три часа возвратившись на фрегат, нашел он там фалрип совсем починенный, но только еще не выкрашенный, и сказал поручику:

— Ты не совсем исполнил мое приказание. Фалрип прежде был красный; прикажи немедленно его выкрасить, и если не хочешь испытать моей немилости, то впредь во всяком случае будь справедливее, и обходись с иностранными корабельщиками и со всеми иностранцами ласково и учтиво*.

39

Наказание Петром Великим ложного пророка

Неподалеку от помянутой не давно церкви и близ берега Невы стояло старое высокое дерево ольха. О нем пророчествовал один мужик в Петербурге, что в ближайшем сентябре месяце столь великое будет потопление города, что вода превысит помянутое дерево. Разнесшийся о том слух привел жителей сего нового города, а особенно легковерную чернь, в страх и беспокойство. Многие из них делали приуготовление, каким образом в таком случае спастись. Некоторые наперед уже скрылись в ближайшие и вышние места, лежащие около Петербурга: в Павловское, Красное село, Дудергов и проч. Как скоро сей слух дошел до царя, то тотчас возымел он подозрение, что от кого-нибудь из знатных людей, не довольных новым его городом, а особенно от тех выдуманно и рассеяно, которые с неудовольствием видели, что он пребыванием своим избрал Петербург, или какими-нибудь простолюдинами, которые против своей воли из старых своих селений в сие место были переселены.

Петр Великий, полюбивший свой новый город Петербург и изобильные водами его места, весьма от того рассердился, велел то дерево срубить и всячески старался узнать виновника сей ложной и страшной молвы. Многие сотни людей были допрашиваемы и каждой долженствовал объявить, от кого слышал. По долговременном старании открыл он ложного сего пророка в одном российском мужике, которой, как и многие ему равные, был из далека переселен в одну финскую деревню и неохотно в сей стране жил. Его обличили, что он был вредный виновник сего ложного слуха. Петр Великий велел его до исхода сентября держать под стражей в крепости, а когда прошел срок и потопа не бывало, то определил день и публиковать, чтоб из каждого дому кто-нибудь в означенный день и час явился на место срубленного

* От генерал-экипажмейстера Брюйнаса.

дерева. Там велел он сему ложному пророку на довольно возвышенном эшафоте дать пятьдесят ударов кнутом и потом пред всем народом прочесть изрядное увещание от обмана и столь глупого и вредного суеверия*.

40

Петр Великий определяет одному судье более, чем двойное жалованье, но за то требует от него строжайшего наблюдения должности

Петр Великий услышал в Москве об одном стряпчем, которого почитали искуснее и славнее всех в приказных делах. Особенно же рассказывали его величеству о сем человеке, что он твёрдо знает как старые законы и учреждения, так и все его указы, и часто самим судьям дает наставления, как им поступить по закону, хотя бы то было против его пользы или ко вреду производимого им дела. Притом, обыкновенно говаривал он, что хочет лучше законно и праведно потерять свою тяжбу, нежели неправедно выиграть; ибо истец рассказавший ему несправедливо о своем деле, так, что он в суде лучше сведает об истинных обстоятельствах оною, не может на него жаловаться за потерю тяжбы, за которую бы он и не взялся, если б сначала не был обманут и узнал, что требования истца несправедливы.

Такой человек достоин был любви Петра Великого. Однако ж его величество не положился на один только слух, но хотел и сам узнать это; призывал его к себе несколько раз, разговаривал с ним о многих трудных делах и нашел в нем глубокое знание, основательное рассуждение и великую честность. Наконец Государь вознамерился взять его в службу и сделал его вдруг из простого стряпчего главным судьей в Новгородской губернии. Его величество объяснился притом, что он, полагаясь на любовь его к справедливости и на знание законов, надеется, что он прекратит крючкотворства и тяжбы, каких много бывало в тамошней губернии, и будет исполнять правосудие немедленно и строго, не смотря ни на знатность лиц, ни на подарки. Новый Судья обещал соответствовать Царской доверенности верным исполнением своей должности, и к великому удовольствию Государя держал несколько времени свое слово.

Через несколько лет пронесся о нем слух, будто он берет взятки и решает дела несправедливо. Жалобы дошли до престола. Петр

* Известно это от господина Кенига, бывшего тогдашним секретарем барона Шафирова, а потом от советника коммерции при дворе голштинского герцога.

Великий думая, что довольно знает сего человека, почитал сперва эти жалобы за клевету. Но они умножены были некоторыми весьма явными случаями, так что Государь принужден был то исследовать и уверился в истине доносов и узнал, что в самом деле справедливый Судья брал взятки и не однажды уже продавал правосудие за деньги. Его величество потребовал его к ответу и уличил в преступлениях. Он признался, что между множеством правильно решенных дел, иногда прельстившись деньгами, решал некоторые дела несправедливо. «Я никогда от тебя этого не ожидал, — сказал Государь: — но что тебя до этого довело?» «Нужда, — отвечал виноватый Судья: — я видел, что при всех моих трудах должен был проживать мое жалованье и не мог ничего из него сберегать, чтобы после себя жене и детям оставить, как то делал прежде, получая больше доходу; да и притом не мог еще я жить так хорошо, как другие мне равные живут, не входя в долги. «А сколько надобно тебе жалованья, — спросил Государь, чтобы быть довольным и не иметь нужды брать взятки и ради денег делать несправедливости?» «По крайней мере вдвое против нынешнего моего жалованья», — отвечал Судья. «И ты совершенно будешь доволен? — продолжал Государь: — Будешь исполнять верно свою должность, и не станешь брать взяток и с намерением неправедно судить?» «Совершенно буду доволен, всемилостивейший государь, — отвечал Судья, — и подвергаю себя самой жесточайшей казни, если буду уличен в неправом решении дела из корысти, во взятках, в неправосудии или в какой-нибудь неверности против вашего величества». «Изрядно, — сказал Государь, на сей раз я тебя прощаю и определяю тебе двойное жалованье и сверх того еще половину. Но смотри ж, сдержи свое слово и исполняй должность свою честно и справедливо, как я от тебя надеюсь. Я уверяю тебя, что буду примечать за тобою, и если ты еще раз, прельстившись деньгами или подарками сделаешь несправедливость, то непременно прикажу тебя повесить.

Обрадованный Судья пал к ногам Его Величества и благодарил его. Несколько лет поступал он сообразно желанию и воле государя, наблюдал правосудие со всею строгостью и исполнял должность свою беспорочно. Но наконец забыл он свое слово, думая, что и Государь о своем уже не помнит; начал по прежнему брать взятки и делать притеснения и несправедливости. Государь узнав о том, приказал взять его под стражу, судить и уличив в его преступлениях, сказать ему, что когда он не сдержал своего слова, то Государь свое сдержит, и потом велел его повесить*.

* От заводчика Петра Миллера.

41

**Петр Великий, проезжая Саксонию, был в Виттенберге
и в том самом доме, в котором доктор Лютер жил и умер**

Неограниченно было любопытство Петра Великого и желание ненасытимо во всяком случае оное удовольствоваться. На путешествиях своих выходил он везде из своей коляски, где только усмотрит малейший предмет естественной или другой какой достопамятности, чтоб ту вещь рассмотреть. Когда он на пути своем проезжал чрез какое местечко или пригородок, которой едва и по имени своем известен, то он всегда останавливался и осведомлялся, не находится ли в нем чего достойного зрения. <...>

Во втором его путешествии в Голландию 1716 года прибыл он около полудня в Виттенберг, находящийся в Саксонии, а между тем, как ему приготавливали обыкновенный обед, спросил он хозяйина, что примечания достойно там для проезжих иностранцев? «Ничего особенного, — отвечивал он, — как разве только старый курфирстский замок, медная гробница доктора Лютера в придворной церкви, прежнее его жилище и кабинет». «Это я должен посетить, — сказал царь, — ибо я много слышал доброго о сем великом и достопамятном муже, который в пользу своего государя и столь многих князей, имевших более прочих благоразумия, столь отважно ополчился на самого Папу и все его воинство». И так высокий сей путешественник пошел еще до обеда в придворную церковь, где со вниманием рассматривал изваянное из меди изображение доктора Лютера в человеческий рост на его гробнице и, отходя, сказал: «Сей муж по справедливости это заслужил». По пришествии его в те покои, в которых Лютер жил и умер, было ему показано в его кабинете большое на стене чернильное пятно, и при том рассказана старая басня, что когда доктор Лютер был однажды занят трудами, явился ему дьявол, которой всякими искушениями старался потревожить его мысли, то будто Лютер на сие столько рассердился, что, схватив чернильницу, бросил дьяволу в рожу, от чего и произошло то большое чернильное пятно и по ныне не отмывается. Петр Великий весьма сей басне смеялся и сказал только: «Разве сей мудрый муж почитал дьявола видимым?» При рассматривании сей же стены, когда великий монарх приметил, что на оной написаны были различные имена карандашом, то и не упустил он спросить, что бы это значило, и когда в ответ получил, что это имена чужестранных путешественников, посетивших сие лютерово жилище, которые написали оные с тем, дабы после оставить память, что они некогда там были, то сказал царь: «Ну, так и мне надлежит написать свое имя». Потом тотчас вынул из кармана кусок мела и российскими буквами написал имя свое «Петр»,

близ вышеупомянутого чернильного пятна. Чтоб сохранить навсегда сие собственноручное начертание российского монарха сделана уже давно около него жестяная рамка, выдававшаяся близ двух дюймов от стены, в поперечнике имеющая около 7 или 8 дюймов с решеткою того же металла, сквозь которую ясно можно читать царское имя. Я так же оное видел и читал в 1735 году на пути своем в Россию. Но что значила последняя литера, того никто сказать и изъяснить не мог.

42

Попечение Петра Великого о Российских древностях

Великий Монарх наш при всяком случае оказывал отменное и не всякому Государю свойственное уважение к древностям, служащим к объяснению истории. В 1722 году, по заключении выгодного и славного мира со Швецией, отправившись в поход в Персию, остановился он на несколько дней в Казани. Он услышал, что за 10 или за 12 верст оттуда, находятся еще развалины славного Булгарского города Булгара, захотел сам осмотреть оные, и немедленно отправившись туда, отыскивал и рассматривал всё, что ему казалось примечания достойным; приказал списать некоторые оставшиеся там надгробные и другие надписи на армянском и арабском языках, перевести их на Российский язык, и отослал оные в Петербург в свой кабинет. Приметив притом, что сии памятники столь славных некогда булгар весьма уже много повреждены были временем и впоследствии еще более растеряются от небрежения местных жителей, а наконец и совсем могут истребиться, постарался о сохранении оных, и для того в следующем месяце июле, прислал из Астрахани к Казанскому губернатору повеление, отправить немедленно к остаткам разоренного города Булгара несколько каменщиков с довольным количеством извести для починки поврежденных и грозящих упадком строений и монументов, пецись о сохранении оных, и на сей конец всякий год посылать туда кого-нибудь осматривать, для предупреждения дальнейшего вреда*.

43

Петр Великий не терпит лакеев при своем столе

Когда Петр Великий кушал один со своею супругой, то обыкновенно не имел при себе никого для услуг, кроме самых приближенных

* От принца Людвига Гессен-Гомбургского, бывшего после генерал-фельдцейхмейстером, тогда же находившегося вместе с государем в Персидском походе и в Казани.

камер-юнгфер императрицы и одного маленького пажа. Когда ж он кушал с некоторыми из своих министров, генералов или морских офицеров, тогда служили при столе обер-кухмистер его Фелтен, денщик и двое пажей, да и они поставив кушанье и по бутылке вина для каждого гостя, должны были выходить, из столовой залы и оставлять государя одного с гостями. Лакеи никогда не являлись у его стола, кроме церемониальных обедов; ибо он обыкновенно говаривал о них вообще: «Я не хочу, чтобы они были при том зрительям, как я сажу за столом.» Некогда за столом сказал он прусскому посланнику барону Мардефельдту: «Наемники, лакеи, при столе смотрят только всякому в рот, подслушивают все, что за столом говорится, понимают криво и после также криво пересказывают»*.

44

Милостивые поступки Петра Великого с низшими

Известно, что Петра Великого единое ненасытимое его желание к познанию того, что для государства выгодно, сопровождало не только ко всем заводам, мануфактурам и рукомеслам, которые заслуживали внимание, но он даже не стыдился в деревнях и городах посещать и ободрять низкого состояния людей, которые с желаемым успехом отправляли свое рукомесло. Как он однажды находился в Архангельске при реке Двине и увидел довольно число барок и прочих сему подобных простых судов на месте стоящих, то спросил он, какие бы то были суда и откуда они? На сие было донесено царю, что это мужики и простолюдины из Холмогор, везущие в город разный товар для продажи. Сим не был он доволен, но хотел сам с ними разговаривать. И так пошел он к ним и усмотрел, что большая часть помянутых повозок были нагружены горшками и прочею глиняного посудю. Между тем как он старался все пересмотреть и для того ходил по судам, то нечаянно под сим государем переломилась доска, так что он упал в нагруженное горшками судно, и хотя себе никакого не причинил вреда, но горшечнику довольно сделал убытку.

<...>

* От барона Мардефельдта, племянника упомянутого прусского посланника, который слышал это от него самого.